ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт.
2023. № 1 (27)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (27), 2023

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-8-55
https://elibrary.ru/SDUXJT

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Мы все живем поверх страны, пропавшей без вести». Семейная хроника

© 2023, Е.А. Дьякова
Литературный и театральный критик

Подготовка текста © 2023 Д.В. Заботина
Предисловие © 2023 Е.Е. Дмитриевой

Аннотация: Настоящая публикация представляет собой части семейной хроники автора, написанной на основе архивных материалов, семейных документов и воспоминаний. История купеческого рода Аносовых рассматривается в ней начиная с XVII в. и до первых послереволюционных лет, будучи вписана в историю страны и в размышления о судьбах России. В первой части публикуемых материалов описывается становление купцов Аносовых, принадлежавших не только к финансовой, но и духовной элите города. Сын тамбовского рыбника, который ездил за стерлядью 900 верст по тракту, приобретает четырнадцать томов сочинений П.И. Мельникова-Печерского и велит потомству их читать, «чтоб знали, как мы, Аносовы, прежде жили». Семья купцов делает пожертвования на благотворительные нужды города, а позднее один из Аносовых становится городским головой Тамбова. В 1871 г. представители семьи активно участвуют в деятельности по избавлению города Тамбова от холерной эпидемии. Когда, по семейной легенде, тамбовский губернатор предложит промышленнику Аносову хлопотать о дворянстве, Василий Михайлович откажется со словами: «Нас и так знают». Следующим эпизодом истории семьи становится Первая мировая война, на которой еще один представитель семьи Владимир Аносов, ставший талантливым хирургом, работает военным доктором. Аносовы возвращают в это время свои вклады из банков Европы в Россию. В третьем эпизоде материалов описывается Тамбов 1918 года: карательные операции, расстрельные камеры. Семья Аносовых, чудом спасшаяся, уезжает из города в одном вагоне с князем Сергеем Михайловичем Волконским, их соседом по имениям. Последний эпизод публикуемых материалов посвящен Тамбову 1920-х гг.: размышления о судьбах семьи в эти годы перемежаются с раздумьями о последующей судьбе их потомков.

Ключевые слова: Аносовы, тамбовское купечество, благотворительность, Тамбов 1918–1920-х гг., историческая память.

Информация об авторе: Елена Александровна Дьякова — член Ассоциации театральных критиков, Союза журналистов России, Международной федерации журналистов, Союза писателей Москвы.

Для цитирования: *Дьякова Е.А.* «Мы все живем поверх страны, пропавшей без вести». Семейная хроника / подгот. текста Д.В. Заботина, предисл. Е.Е. Дмитриевой // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 8–55. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-8-55

Фрагменты обширной семейной хроники Елены Дьяковой «Мы все живем поверх страны, пропавшей без вести», мы публикуем в жанре *In memoriam* — с большой и неизбывной печалью о той, кого мы знали как блестящего журналиста, театрального и книжного критика, в юности — тонкого и мало на кого похожего поэта (так что только остается сожалеть, что в какой-то момент она перестала писать стихи*), для иных — прекрасного и верного друга. В многочисленных медийных откликах на ее уход в феврале этого года самые разные авторы почти единодушно писали о том, что сама она, став летописцем нашего времени, своим внешним обликом, манерой говорить (а в устном жанре она была тоже непревзойденной), манерой чувствовать — казалась словно вышедшей из Серебряного века. По каким-то иным, неписанным законам, ей, видимо, именно в нем и надлежало жить (будучи в начале 1990-х гг. аспиранткой в ИМЛИ, она и занималась Серебряным веком — наследием А.А. Блока, М.В. Добужинского и др.).

Это чувство человека, проживающего чью-то чужую жизнь, проходящего не свой путь — хотя как раз по этому пути она шла более, чем уверенно — пронизывает и последнюю, написанную ею книгу, которую первоначально она хотела озаглавить «Дом купцов Аносовых», использовав слово дом в том понимании, которое было характерно даже не для Серебряного, а для Золотого века, для Пушкина, например, для которого дом — род — родословная были звуком, отнюдь не пустым.

Случилось так, что по отцовской линии Лена была потомком сразу двух родов — Дьяковых и Аносовых. Дьяковы были родом дворянским (до поры до времени это тщательно скрывалось даже и в ее семье). К нему принадлежала и та самая Марья Алексеевна Дьякова

* Со стихами Е.А. Дьяковой можно познакомиться в журнале «Синтаксис» (1990. № 27), а также на сайте: https://nestoriana.wordpress.com/2017/10/28/елена-дьякова-восьмидесятые-стихи-из/.

(1755–1807), ставшая впоследствии женой архитектора Н.А. Львова, к которой в 1779 г. обращался влюбленный в нее И.И. Хемницер: «Нет, ежели ты в свет захочешь нас пустить, — / Отдай Дьяковой нас в покров и защищенье». Портрет Марии работы Д.Г. Левицкого и по сей день представлен в Третьяковской галерее. Другая сестра Марии, Александра, стала женой В.В. Капниста, и обе они — важными персонажами Львовского кружка. Одна из дочерей Марии Дьяковой и архитектора Львова, Вера Николаевна, в замужестве Воейкова, станет «любимой бабушкой» Василия Поленова, изображенной им на картине «Бабушкин сад». К этому же роду Дьяковых принадлежала и Александра Алексеевна Оболенская (урожденная Дьякова), к которой одно время был весьма неравнодушен Л.Н. Толстой и которая, по легенде, даже послужила одним из прототипов Кити Щербацкой.

Перечень всех этих культурных реминисценций и нечаянных сближений можно было бы еще долго продолжать. Елена Дьякова хотела написать о них книгу, начала, но не успела завершить. А вот книгу о других своих предках, тамбовских купцах Аносовых, она написала. И будем надеяться, что в скором времени она в полном объеме увидит свет.

Определить жанрово текст, предлагаемый вниманию читателя, довольно сложно. Несмотря на обилие использованных в нем источников, архивных материалов, редчайших печатных исторических, экономических, статистических трудов, которые выходят в наше время таким смехотворным тиражом, что легко тут же облекаются забвению — а Лена все это скрупулезно разыскивала, — текст этот, конечно же, прежде всего художественный. Наполненная авторскими раздумьями о ходе, или беге, истории, о месте в ней человека и о том, во что история превращает самые «прекрасные порывы» души, книга «Мы все живем поверх страны…» формирует — да простится здесь это слово — какой-то удивительный хронотоп. События и люди прошлых времен в ней постоянно предстают в проекции времен последующих. Кирпич дома Волконских в Павловке превращается в консервный цех Борисоглебской скотобойни, «главный донатор» Вернадского вел. кн. Николай Николаевич идет по снегу на расстрел босой, оставляя сапоги тому, кто будет его расстреливать. Лестница, по которой в марте 1917 г. летела вверх красавица Наталия (одна из Аносовых) с криком: «Папа! В Петрограде революция!», становится той лестницей, по которой спускаются выселяемые из дома на Христорождественской члены семьи седого промышленника: невестка Прасковья и трое детей, девяти, шести и трех лет. А наблюдают молча за ними чужие люди в шинелях и островерхих шапках.

Щемящее ощущение, что все происходит не так как дóлжно. Что все бессмысленно. Но так ли это?

Потому что «в сухом остатке», когда читаешь книгу Елены Дьяковой, остается ощущение высокого и трагического хода Истории — истории нашей страны. И, как в греческой, а может, и барочной трагедии, о которой некогда писал Вальтер Беньямин, история эта, как никакая другая, учит непостоянству судьбы. И еще тому, что, если и невозможно избежать несчастья, то, по крайней мере, возможно при этом сохранить свое достоинство.

Именно история сохранения достоинства — вопреки всем ударам истории и судьбы — и есть та подспудная тема, которая становится бытийным фоном рассказанной нам судьбы рода купцов Аносовых. Рода, к которому принадлежала и Елена Дьякова.

Текст печатается в авторской орфографии и с авторской пунктуацией.

Екатерина Дмитриева

И общей не уйдет судьбы.
Г. Державин, тамбовский наместник.

Поезд пришел под утро. Стыли у вокзала руины башни, проваленные внутрь до второго этажа. Щерились красным кирпичом.

…Уездный Борисоглебск. Лето 2005 г.

Руины были прежде элеватором на 200 тыс. пудов зерна. Стояли памятником голоду 1891 г. — точнее, программе казенных общественных работ помощи голодающим. Крестьяне бедствующих губерний получали по ней работу и заработок на строительстве малых шоссе и мостов, сельских школ, церквей, зернохранилищ.

Элеватор в Борисоглебске 1890-х был нужен. В уездном городе была Хлебная биржа. Городок отправлял в столицы и порты до 200 вагонов зерна в день. Полдюжины мукомольных предприятий (каменных, с паровыми двигателями, в пять-шесть этажей) работали здесь. Годовой оборот крупнейшего составлял 1,25 млн руб.

Но прожил элеватор лет тридцать–сорок.

В башне стоял мощный дизель для сушки-перевалки зерна. В 1920-х его реквизировали. Не знаю, какую адскую машину крутил дизель впредь, но пшеницу сушить стало нечем. В 1930-х элеватор уже не надобился. Потом рухнул внутрь себя.

Разобрать его все же было жаль. Так руины и стояли у станции.

Нас вел по городу историк Аркадий Мурашев, биограф С.М. Волконского (1860–1937). Внук декабриста, директор Императорских театров, блестящий мемуарист, адресат лирики Цветаевой, Волконский был связан с уездом кровно. Усадьба Павловка, главная героиня его книги «Мои воспоминания. Родина», — здесь. Покинута в 1917-м.

Дом Волконских в Павловке разобрали давно. В 1930-х. Из кирпича выстроили консервный цех Борисоглебской скотобойни. Только Аркадий мог провести сумрачным лесом — заросшим парком — по теням аллей, вдоль теней прудов к тени дома — яме фундамента. Больше ничего не осталось.

Недалеко от усадьбы, на всхолмье, стояла ампирная церковь Петра и Павла. Там был клуб, потом склад. Стены обиты до красного кирпича 1820-х. Провалился купол.

Барабан его казался увечной культей. Ободранным диким мясом, воздетым к небу.

Заехали в ближнее село. Сухонькая, седая, легкая на ногу и на восьмом десятке лет Неонила повела показывать гордость бабушек Большой Грибановки: молельный дом.

Дом был завещан бездетной хозяйкой подружкам на божье дело. Отмыт, побелен, расписан цветами. Подзоры на окнах сияли белым. Подружки сносили сюда иконы из опустевших, выморочных домов. Спасали их от медленной гибели в ничьем «житле».

Десятки Богородиц, Спасов, Никол, Параскев тихо сияли по стенам. Выдавлены на плотной фольге, подкрашены голубым по ризам, золотцем — по венцам.

И это был хор: беззвучный хор брошенных крестьянских божниц.

Среди цветной фольги бросались в глаза темные иконы «на досках». Старые. Их было немного. В плотной развеске образов щерилась дыра.

— *Здесь Георгий был,* — вздохнула Неонила. — *Старый, на доске. Батюшка говорил: цены не сложить. Залезли ночью да взяли. Батюшка в соседнем селе хороший: поглядел на дом, головой покачал, разрешил молиться. Просил только помнить: тут не церковь…*

Молельный дом — в анилиновом сиянии выморочных Спасов и Казанских, с дырой на месте усадебного Георгия Победоносца — был тоже памятником XX в.

Как и красная башня уездного элеватора, давно рухнувшая внутрь себя.

В проулке Грибановки тощие утки и коты пылили сухим черноземом. Борисоглебским черноземом слоем в 1–1,5 м, благодатнейшей для вспашки землей огромной страны. В сельпо сверкал новый холодильник: не хуже, чем на Тверской. Полки были застелены желтыми газетами 1990-х, листком областной КПРФ с ядреной одой товарищу Сталину. В уездном городе сражались спокойные усталые мужики, менеджеры машиностроительного завода: готовили документы на тендер. На поставку оборудования в Вунгтау, под Сайгоном, для нефтеразработок на шельфах. Тягались с американской фирмой. Рассуждали: у них бренд, у нас надежность и простота, а уж по цене…

Город все же был жив. Казалось: он отходит от пожара. От ожога по всему телу.

Кой-где наросла к 2005 г. молодая блестящая кожа нового дела и обустройства.

Но по большей площади еще ухмылялись рубцы, бугры, шрамы. Как по всей России.

Я не была в уезде совсем уж чужой. С княжеским имением Павловка граничило век назад купеческое имение Софьевка. В реки борисоглебского зерна вливались и урожаи тамбовских купцов Аносовых.

Чаепитие семьи Аносовых на веранде в Софьевке
The Anosovs drink tea on the terrace in Sofievka

Это моя семья. Для российской семьи XX в. — кой-как уцелевшая и помнящая родство. Хотя почти все потомки прожили столетие в России и с полной выкладкой: обыски, аресты, запреты учиться, ГУЛАГ, фронт, мирное шестидесятничество правнуков.

Но как начинаешь *углублять и уточнять*, понимаешь: *мы все живем поверх страны, пропавшей без вести.* Страны выморочных родовых икон. Где уходили из памяти пепелища усадеб и фундаменты соборов, кладбища и ремесла, семьи, семьи, семьи…

И здесь — лоскуты. Половину я помню с детства. Половина собрана по архивам, новым рассказам, старым губернским хроникам, адрес-календарям Тамбова и проч. Белых пятен и черных дыр в избытке. Равнодействующей не могу вывести: свиты воедино колокола коронации и пулеметные очереди, голос подвижника и коммунальная склока, ссыльная беда и забытая слава, непрожитые судьбы 1910-х — и попытки их воскрешения.

И собственно, объяснение у меня одно: *все эти люди были. Они — часть огромного хора века и страны. Разглядеть и услышать именно их, Аносовых, — мой долг и право.*

1659–1825. Астраханский тракт. Пушкари. Михаил и Пелагея

На иноходце хватском,
Под белым покрывалом…
Г. Державин.

Астраханский тракт *звонит по метели.*

В беду-буран звонари сел и станиц меж Рязанью — Тамбовом — селом Царицыным — Астраханью всходят на колокольни. Раскачивают свои *постовые, полиелейные, благовестные, подзвонные.* Стучат в чугунное било, пока не уляжется метель.

Колокол в степи — звуковой маяк. Проезжие держат на звон к жилью сквозь вьюгу.

Большеголовые каменные бабы стоят вдоль тракта. На брюхах высечены путевые знаки: крест — на Москву, черный человек — к Хвалынскому морю. Грунтовой шлях проложен еще Золотой Ордой: само слово «ямщик» пошло от здешнего «ямчи».

Степь да степь кругом[1] как раз по этой дороге.

[1] Основа песни — «В степи» (1865) И.З. Сурикова. У поэта помянута народная песня «Степь Моздокская». Тянется степь от Саратова до села Царицына. На Моздок и Кизляр тракт поворачивал за Астраханью.

Город был заложен — как в русской сказке. Весной 1636 г., при царе Михаиле, пришла по тракту от Москвы тысяча стрельцов. С ними воевода Роман Боборыкин.

На холме у слияния Цны и Студенца срубили крепость Тамбов: часть Большой Засечной черты, проложенной «*“для береженья от набегов крымских, азовских и ногайских людей”*». Лавины конников с юго-востока, из Дикого поля, «*“прохаживали изгоном, на те все места воевали, людей побивали и в полон <...> имали”*»[2]. Пленных ждали невольничьи рынки Крыма.

В.О. Ключевский пишет:

> …Шаг за шагом отвоевывали степь <…> В продолжение XVI в. из году в год тысячи пограничного населения пропадали для страны, а десятки тысяч лучшего народа страны выступали на южную границу, чтобы прикрыть от плена и разорения обывателей центральных областей <…> Отсюда естественно возникала мысль рассыпать служилых людей по внутренним, особенно по окрайным областям <…> сделать из землевладельцев живую изгородь против степных набегов[3].

В середине XVII в. свыше сорока крепостей стояли на Засечной черте, на пограничье. Воронеж, Белгород, Тамбов, Симбирск. Между крепостями селилась по черте *засечная стража,* вольные крестьяне-однодворцы. Та самая «*живая изгородь*» Ключевского.

Они владели клочками земли. Получали от казны пищаль, боевой топор, порох-свинец. Объединялись в отряды при набегах с юга. Держали фронтир Дикого поля.

Пограничье лепит характеры. Кажется, ни один большой бунт на Руси не обойдет Засечную черту стороной. Но стрельцы и пушкари крепости Тамбов — того же замеса. Из однодворцев засечной стражи.

Историк Марина Климкова осенью 2021 г. обнародовала в соцсетях архивный список пушкарей крепости Тамбов 1659 г.:

> По другую сторону города и острога, на берегу речки Студенца, построена Пушкарская слобода, а в ней церковь Живоначальные

---

[2] Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А.Е. Андриевского. Тамбов: Типо-лит. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911. С. 305.

[3] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М.: СОЦЭКГИЗ, 1937. Ч. II. С. 228–229.

> Троицы с приделом <…> а в той слободе живут пушкари, и затинщики, и воротники…[4]

Среди Толмачевых, Ульевых, Четвертаковых, Неколотовых, Серовых, Кухтиных, Лутошкиных были и два брата-пушкаря Аносовы. Ларион и Сидор.

Ко Второй ревизской переписи 1748 г. однодворцы Аносовы прочно живут в Тамбове: Андрей Афанасьев с сыновьями в Покровской слободе. Иван, Ермил, Михайло (все с малолетними сыновьями) — в Пушкарской. Город прирастает слободами, тянется вдоль Астраханского тракта, обзаводится соборами и присутствиями. А наместник его, Гавриил Державин, пишет «Желание зимы» (1787), пронизанное хохотом, руганью, свистом возниц и полозьев за окном:

В убранстве козырбацком,
Со ямщиком-нахалом,
На иноходце хватском,
Под белым покрывалом —
Бореева кума,
Катит в санях Зима.

Кати, кума драгая,
В шубеночке атласной,
Чтоб Осень, баба злая,
На астраханский красный
Не шлендала кабак
И не кутила драк.

Цепочку тамбовских Аносовых 1750–1810-х гг., медленный выход пушкарей, стрельцов, ямщиков, однодворцев в купцы нужно еще выстроить по ревизским сказкам. Но в 1820-х гг. уже точно едет Астраханским трактом на восток суровый, в скобку стриженый человек. Его подводы гружены сазаном, судаком, балыком, стерлядью пылкого мороза: купец III гильдии Михаил Аносов возит рыбу из Астрахани в Тамбов. Причт по Астраханскому тракту *звонит по метели* и для него треть века.

[4] Цит. по: День Святой Троицы: Престольный праздник Пушкарской слободы. URL: https://marina-klimkova.livejournal.com/693354.html?ysclid=lecpaxfmnd101596185 (дата обращения: 26.02.2023).

От Тамбова до Астрахани по тракту почти 900 верст. В России дорога — уже работа. Такая дорога по безлюдным степям явно мало походила на мирные хлопоты торговца.

На «наивном портрете» 1830-х (до нас дошло только его фото) — шерстяная фуфайка под сюртуком, борода, как у Пугачева. Серые протяжные глаза купца прищурены.

Пищаль предка-однодворца еще пришлась бы ему по руке[5].

В Тамбове рыбник Аносов выстроил серый деревянный двухэтажный дом с белыми наличниками и мезонином у Базарной площади — «*2-й полицейской части, 42 квартала, собственный дом под № 26*»[6].

Выстроил, думаю, до 21 мая 1825 г., когда обвенчался в «*соборной города Козлова церкви*» с купеческой дочерью Пелагеей Федоровной Силантьевой. Венчал их протоиерей Никита с причтом. Венцы держали купец Алексей Гладышев, купеческие дети Гавриил Аносов и Николай Родионов[7].

Праматерь Пелагея принадлежала к почтенному купеческому роду яблочного города Козлова. Были Силантьевы при Екатерине, Павле, Александре уездными храмоздателями: Иван Силантьев построил каменную церковь в селе Громушка, купеческая жена Анна — каменную церковь в Заворонежской слободе, еще один «*“Козловский купец Силантьев”*» (цит. по: [2, с. 176]) — каменную церковь в селе Глазок.

Одним из лучших зданий уездного города была Пятницкая (Троицкая) церковь с фарфоровым (по моде екатерининских времен) иконостасом. Строена в 1773 г. Иваном Тимофеевичем Силантьевым.

Годна хоть в Петербург: с колоннами, с барочной колокольней. И неистребимо прежняя, здешняя: над ярусами колонн луковка купола, крытое крыльцо — узорчатое, как в тереме. Славилась в Козлове местночтимой иконой Казанской Божией Матери.

Снесена в 1920-х. (Полтора десятка храмов взорваны в Козлове, три уцелели.) На месте Пятницкой церкви выстроен конструктивистский Институт садоводства им. И.В. Мичурина.

Говорят: кто-то в Козлове-Мичуринске сберег острый клинышек фарфорового иконостаса. Дед хранителя поднял его из каменного месива в 1920-х, после взрыва.

---

[5] Я знаю этот наивный портрет Михаила Аносова по фотокопии начала 1970-х. Где оригинал, кто и когда сделал с него фото, неизвестно. Отпечатки были у всего потомства… и никто не догадался спросить.

[6] РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 164. Л. 1–1 об.

[7] РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 164. Л. 27.

У моих записок та же суть: осколки. Подобраны после взрыва.

А пока их мир и город лишь строятся. У Михаила и Пелагеи Аносовых рождаются Василий (1829–1905), Александр (1832–1859), Анна (1836–1910). Всех крестят в Знаменской церкви, храме «торговой части» Тамбова. Среди восприемников много Аносовых: купеческий сын Матвей и девица Александра Васильевна, купеческий сын Стефан Васильевич. Есть в городе и Аносовы других ветвей: в 1820-х становится гласным городской думы купец Гаврила Аносов, заседателем совестного суда — его брат Петр.

С 1810-х гг. живут в Вознесенском монастыре, старейшей женской обители Тамбова, *манатейная монахиня Мария* и *пребывавшая в монастыре 46 лет* рясофорная *Стефанида* Аносовы. Обе будут погребены в монастырском некрополе, рядом ляжет купеческая вдова Анна Кондратьевна Аносова (†1856, 80 лет) [13, с. 40–41]. Все могилы взорваны в 1930-х.

По смутной памяти — у тамбовских Аносовых были родственники в Саратове. Там в 1820-х – 1830-х гг. разбогател добычей соли на озерах Эльтон и Баскунчак купец Петр Васильевич Аносов. В 2017 г. в Москве изданы воспоминания Нины Аносовой, праправнучки солевара, записанные ее внуком (см.: [3])[8].

В саратовской семье жила легенда о предках-староверах. Как и в тамбовской. Версия Нины Аносовой романтичней нашей: предки ушли в XVII в., в пору раскола, из Москвы в Сибирь. Торговали мехами.

Такого в Тамбове не рассказывали. Вознесенские монахини 1810-х, Михаил с Пелагеей, обвенчанные в Покровском соборе города Козлова, староверами явно не были.

Но и сын сурового тамбовского рыбника, что ездил за стерлядью 900 верст по тракту, приобрел когда-то четырнадцать томов П.И. Мельникова (Андрея Печерского), изданных товариществом М.О. Вольфа в Санкт-Петербурге в 1897–1898 гг. Переплел в тисненый черно-красный ледерин с орнаментом из речных лилий,

8 Литературная запись о. Александра Дианина-Хаварда. Нину Ефимовну (1903–1998) обстоятельства оторвали от саратовских Аносовых очень рано. Ее сквозной сюжет — Гражданская, путь с матерью и отчимом из Петербурга к Черному морю и в эмиграцию. С о. Дианиным-Хавардом, внуком Нины и издателем ее записок, беседовала в Москве в 2018 г. Елена Сергеевна Аносова. Глаза у Елены и Александра, доктора и пастора, оказались одинаковыми. «Аносовскими». Такие были у моей бабушки Татьяны и ее брата Сергея, деда Елены. На портрете М.В. Аносова под суровой «скобкой» волос видны они же. Та же форма. Цвет… Волги осенью, что ли. Впрочем, с родством тамбовских и саратовских Аносовых 1820-х гг. надо разбираться в архивах.

гербовых цветов модерна. Чтил Мельникова-Печерского за точность и беспристрастие в описании волжского староверства. И заповедал потомству читать «В лесахъ», «Счисленіе раскольниковъ» и проч. Именно *чтоб знали, как мы, Аносовы, прежде жили*.

В 1849 г. летняя холера унесла в одночасье Михаила и Пелагею. Главой семьи остался девятнадцатилетний Василий. С двумя подростками, братом и сестрой, на руках.

Впереди брезжили «великие реформы»: Василию досталось *попутное время*.

Из осиротевшего юноши выплавится патриарх. Бог Зевес этой семьи. Храмоздатель, как предки Силантьевы. Филантроп, строитель школ, бессменный казначей Красного Креста. Знакомец трех святых. Хозяин тысяч десятин чернозема, впервые от сотворения мира распаханных его работниками. Гость коронации Александра III: он очень подходил в поданные этому кряжистому императору, наш Василий Михайлович.

При всем этом: жил он всю жизнь в деревянном доме «*2-й полицейской части, 42 квартала*», в беспокойном соседстве с базаром. В доме отца — купца III гильдии.

Только 1918 г. вытряхнет семью из этих дубовых стен.

Само же крепкое купеческое строение 1820-х гг. простоит до 1990-х. А там — снесут его, взбодрят ТЦ «Дом купца Аносова» на Красной, 12, врубят фрагмент деревянного дома и доску о «памятнике истории и культуры регионального значения» в фасад универмага, стыдливо забрав уцелевшее под стекло. Ныне за белыми наличниками ведут свой бизнес салон «Шик» и офис «2Т–Танго Телеком». Над улицей Красной-Базарной-Христорождественской голосят рупора: «Распродажа пуховиков и джинсов!»

Но торговый, бетонно-кафельный гламур 1990-х уже устарел и пожух.

Это шумный квартал, торговый и привокзальный. Но если прислониться к стеклу фасада, старое дерево за ним — как огромный инструмент, фисгармония времени. В ящике, как в улье, заперты звуки.

Там мычит скот на базаре, поет хор взорванного собора, тихий голос святителя Феофана Затворника хвалит его иконостас, скрипит декабрьский снег 1872 г.

Там палят из трехлинеек, требуют прислать из Москвы броневик для подавления солдатского бунта, проживают первый свой

голодный год, напевают в детской «Был у Христа-младенца сад…», читают письма из Восточной Пруссии с марками Красного Креста, смотрят молча, как ЧК выводит из дома сыновей.

Гремит медью марш, только что написанный в Тамбове штаб-трубачом 7-го запасного полка Василием Агапкиным. Поют беспризорники на базаре. Крестят и отпевают в Христорождественском соборе поколения семьи. Навек выводят детей и выносят вещи.

И сквозь долгую сечу при Керженце XX в. дом тихо скрипит то, на чем стоял:

> Дано из Тамбовской городской управы Тамбовскому I гильдии купцу Василию Михайловичу Аносову <…> в том, что он, Аносов <…> и никто из вышеозначенного семейства его в течение показанного времени пребывания в гильдиях несостоятельности не показал, ни под судами и судебным приговором опорочены не были[9].

Давно бумага дана: в 1870-х.

Последних детей дома на Христорождественской, правнуков Василия, я помню седыми. Против своего *поперечного времени,* против XX в. каждый из них был — как пастушок с пращой против великана в горячей от ярости броне.

Но несостоятельности не показали. И опорочены не были.

<…>

Почетный гражданин: Собор. Коронация. Голод

С 1860-х «Тамбовские епархиальные ведомости» начинают отмечать пожертвования купца Аносова: 600 руб. на храм в селе Павлодар, 1000 руб. на Знаменскую церковь Тамбова, 200 руб. на ремонт моста… Это в духе времени: в пореформенном Тамбове бурно развивается горизонтальная солидарность, как сказали бы сейчас.

Общества растут густо: Вольное пожарное, Подания помощи при кораблекрушениях под покровительством цесаревны Марии Федоровны (хотя в Тамбове с тишайшей Цной тема кораблекрушений не очень насущна), Императорское Русское музыкальное, Взаимного вспоможения ремесленников, Для пособия воспитанникам Тамбовской гимназии и реального училища, Вспомоществования церковным школам, Тамбовское попечительное о бедных, Попечительное

[9] РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 164. Л. 32–32 об.

о яслях, Православное Миссионерское, благотворительные братства при церковных приходах Тамбова…

Растут и не благотворительные затеи: вот Тамбовское общество охотников конского бега[10]. Для коего Императорским Московским обществом учрежден особый беговой приз.

Везде то почетным, то действительным пожизненным членом состоит В.М. Аносов.

В ноябре 1864 г. вступает в силу судебная реформа — одна из важнейших реформ Александра II. Тридцатилетний купец Василий Аносов становится почти сразу заседателем Тамбовской уголовной палаты. Через три года этой службы он получает право избрания мировым судьей в Борисоглебском уезде[11].

Самый список уездных кандидатов в мировые судьи конца 1860-х очень примечателен. В нем действительный статский советник Михаил Волконский, сын декабриста и М.Н. Раевской, в близком будущем сенатор и член Государственного совета. Представители таких семей, как Гагарины, Кропоткины, Толстые. Братья Воейковы — дядюшки художника Василия Поленова. Г.В. Кондоиди — губернский предводитель дворянства с рекордным «стажем» службы (шесть сроков). Но здесь же и «новые помещики»: легендарный в Тамбове купец-филантроп Андрей Носов и Василий Аносов.

Последнему — 36 лет. Имение его в Борисоглебском уезде составляет 5499 десятин.

В 31 год В.М. Аносов будет казначеем Православного Миссионерского общества в губернии[12]. Одна из главных задач общества — создание церковно-приходских школ в селах.

В Тамбовском отделении состоял и протоиерей Кронштадтского Андреевского собора И. Сергеев — о. Иоанн Кронштадтский. Он бы-

---

[10] См.: 1900: Результат бегов Тамбовского общества охотников конского бега: 63-й год. Тамбов: Типография губернского правления, 1900. 34 с. Вместе с В.М. Аносовым в обществе состоят: И.Д. Гуаданини — будущий депутат Государственной Думы, будущий дед Ирины Гуаданини — лирической героини В.В. Набокова; Ю.В. Давыдов — известный в губернии земский деятель, будущий персонаж «Красного колеса» А.И. Солженицына; Г.Н. Луженовский — губернский советник, которого в 1906 г. застрелит юная эсерка Мария Спиридонова, мстившая за подавление крестьянских восстаний в губернии. В списках тамбовских «охотников конского бега» — Араповы, Ланские, промышленники Толмачевы. И еще помещик Кирсановского уезда, отставной лейб-драгун, коннозаводчик В.В. Дьяков. В 1931 г. в совсем другом Тамбове его внук женится на правнучке В.М. Аносова. Мы с сыном и внуками — их потомки.

[11] Борисоглебское уездное земское собрание. Журналы заседаний Борисоглебского уездного земского собрания, бывшего в сентябре 1868 года. Тамбов: Губернская земская тип., 1869. С. 141.

[12] Тамбовские епархиальные ведомости. 1871. № 12. С. 308.

вал в городе. «*...На средства о. Иоанна Кронштадтского и Василия Михайловича Аносова при школе <...> открылись <...> чтения религиозно-нравственного характера, со световыми картинами <...> заведена была библиотека-читальня*»[13] — писали в 1903 г. «Тамбовские епархиальные ведомости» о селе Пановы Кусты.

27 лет (1878–1905) В.М. Аносов был казначеем губернского отделения Российского Общества Красного Креста. Имел и наградной знак РОКК: белый эмалевый гербовый щит с красным крестом в центре и вязью вокруг: «Возлюбиши ближняго своего яко сам себе».

Чем тамбовские филантропы занимались? Вот «Взаимное вспоможение ремесленников»[14]: склады материалов, ссуды по болезни, пособия на похороны, обучение сирот членов Общества в ремесленных училищах за счет общества, лекция об устройстве артелей, елка для детей. В планах было «*общеобразовательное ремесленное училище, с женским портняжным и белошвейным отделениями*»[15], выставка-магазин кустарей в Тамбове.

Вот попечительство об обществе «Работный дом»[16]. Название устрашает, но создан он по образцу Домов трудолюбия о. Иоанна Кронштадтского (В.М. Аносов — член правления). С 1888 г. тут дают бездомным приют и заработок. Невеликий: 5–6 коп. в день. Но всех насельников кормят: «*“...по 2 фунта черного хлеба, обед из двух сытных блюд, например, щей с мясом и каши, и ужины...”*»[17] Здесь делают конфетные коробки, ткут холсты, вяжут детские кофточки, переписывают бумаги, плетут корзины.

В марте 1880 г. «Тамбовские епархиальные ведомости» перепечатывают статью «Московских ведомостей»:

> ...Самые богатые из купцов города Тамбова: Носов, Аносов и Ашурковы <...> изъявили желание в ознаменование дня 19 февраля (здесь — 25-летие царствования Александра II. — *Е.Д.*),

[13] Тамбовские епархиальные ведомости. 1903. № 49. С. 1380.

[14] См.: Тамбовское общество взаимного вспоможения ремесленников. Отчет о деятельности взаимного вспоможения ремесленников г. Тамбова и Тамбовской губернии за 1902 г.: Год третий. Тамбов: Типо-лит. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1903. 22 с.

[15] Там же. С. 1.

[16] См.: Акт государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Дом жилой», расположенного по адресу: Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Карла Маркса / ул. Студенецкая, д. 168/1. URL: https://pam.tmbreg.ru/assets/files/Ekspertiza/2019/Akt_GIKE_Tambov_K_Marksa_168.pdf (дата обращения: 26.02.2023).

[17] Там же.

> пожертвовать со своей стороны 36 000 рублей <…> а на проценты с 36 тыс. город должен устроить и поддерживать богадельню и ночлежный приют для уменьшения числа нищих в городе Тамбове…
>
> <…> купцы Носов, Аносов и Ашурковы не в первый уже раз предлагают свои средства на нужды города <…> Такое внимание к общественным нуждам и потребностям города <…> обязывает и город выразить этим лицам особую благодарность, избрав их в почетные граждане Тамбова[18].

Что и произойдет в 1883 г.

Василий Михайлович был и городским головой Тамбова. Один срок: 1869–1871 гг. Его «Формулярный список о службе» сообщает:

> По городским выборам в 1869 г. и по 1871 г. состоял Тамбовским городским головою, и за усердную службу по ходатайству г. Губернатора по представлению г. Министра внутренних дел Государь Император в 20 день июля 1871 года соизволил пожаловать золотую медаль на Станиславской ленте[19].

Благоустройство степного губернского города шло долго и медленно. Взрывной его рост придется на начало XX в. Поэтапное устройство полноценного водопровода в Тамбове, например, длилось тридцать лет: 1880–1911 гг.

Но все ж при В.М. Аносове «*городская управа, впервые серьезно проявляя некоторую заботливость об улучшении санитарного состояния города, приступает <…> к устройству больших городских грунтовых колодцев <…> Этими колодцами и отчасти водой из р. Цны город исключительно только и пользовался до 1881 года*» [15, с. 91–92][20].

Он оставил должность весной 1871 г. Незадолго до худшей холеры в истории Тамбова. Эпидемию встречал уже его преемник — Петр Машков.

Но именно в рассказе о холере звучит живой голос Василия Аносова.

В 1916 г. священник Вознесенского монастыря о. Алексей Цветаев опубликует «Воспоминания об избавлении города Тамбова

---

[18] Тамбовские епархиальные ведомости. 1880. № 5. С. 157–158.

[19] РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1124. Л. 533.

[20] Подробнее см.: [15, с. 89–100].

от холерной эпидемии в 1871 году по молитвам граждан перед Чудотворною Вышенскою иконою Божией Матери».

С указанием:

> Настоящий очерк составлен на основании письменных документов и рассказов многих переживших тамбовскую холеру лиц, особенно Григория Ив. Гукина и <…> Василия Михайл. Аносова, из которых последний, при впечатлительности своего характера, отличался прекрасною памятью местных исторических событий[21].

Служил о. Цветаев в монастыре, где игуменьей четверть века была мать Антония, Анна Михайловна Аносова. Он был усердным автором «Епархиальных ведомостей».

Его очерк о холере — страшный эпос о беспомощности врачей, недостаче священников и гробов, отсутствии водопровода. О том, как выглядят умирающие от скоротечной холеры. Об урожайном лете 1871 г.: дыни и арбузы, идущие в город из низовьев Волги, грозили заразой, но «*бедный класс населения*» покупал их. Уж очень все стало дешево.

Бедняки покупали холерные дыни. Кто-то расторопный их ввозил, сам рискуя жизнью.

> Невзирая на вред от употребления сырых плодов, дешевка соблазняла бедный класс населения <…> прокладывала путь к новым заболеваниям… А в качестве санитарных мер по распоряжению полиции практиковалось иногда растаптывание дынь на базаре полицейскими…[22]

> …В течение десяти дней (с 29 июня и по 8-е июля включительно) каждое кладбище принимало <...> от 30 до 42 покойников ежедневно. Эти тридцать-сорок гробов одновременно на одном кладбище представляли собою какую-то неописуемую картину ужаса, к довершению стоустая молва обращала их в сотни и даже более.
>
> <…> каждый из жителей ясно понял свою беззащитность <...> все хорошо видели, что все рекомендуемое врачами и аптекою <...> было бессильно в борьбе с неумолимым бичом человечества! <...> Каждый спешил исполнить христианский долг исповеди и св. причащения; каждый готовился к смерти; в течение двух недель Петрова

[21] Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. № 49 от 3 декабря. С. 1259.

[22] Там же. С. 1240.

> поста успел приобщиться почти весь город. Подъем религиозного чувства в это время был необычайный <...> каждый чувствовал над собою обнаженный меч Божий <...> Искренний нелицемерный пост, ежедневные причастники, густая стена богомольцев, прекращение всяких увеселений в городе — все это переносило в древнюю кающуюся Ниневию…[23]

11 июля в Тамбов вошел крестный ход с чудотворным образом Богородицы из Вышенской пустыни в Шацком уезде. По преданию, после этого холера и пошла на спад.

Вот этот день — по памяти людей XIX в., чувствовавших жизнь не так, как мы.

Судя по свидетельству о. Алексея, это рассказ Василия Михайловича.

> Картина встречи св. иконы, по словам очевидцев, не поддается никакому описанию <...> Многотысячная масса людей всякого возраста и звания занимала все видимое пространство прямой Моршанской и прилегающих к ней улиц <...> все обратилось в слух и внимание… «Заступнице усердная — Мати Господа Вышняго» — вдруг послышалось издали пение, и св. икона на руках священнослужителей, плавно подвигаясь, приближалась к городу <...> Всеобщее молитвенное одушевление было необычайное; все людское горе стремилось повергнуть теперь пред пречистые взоры Царицы Небесной свое израненное сердце <...> Все это сливалось в какой-то общий молитвенный стон…
>
> <…> Чудотворный образ, меж тем, медленно подвигался среди сплошной стены граждан по направлению к Казанскому монастырю…[24]

«*Обнаженный меч Божий*» еще не раз закачается над городом и страной. Но так содрогаться в горе и вере наша необъятная Ниневия уже не будет.

Через полвека от того мора — в Казанском монастыре будет расстрельный плац и концлагерь. В 1921 голодном году заключенных снимут с пайка. Суровый обед насельников «Работного дома» 1880-х — два фунта хлеба, щи с мясом, каша — будет недостижимой мечтой и для вольных горожан. А 30–40 трупов в день станут в ка-

---

[23] Там же. С. 1238, 1243–1244.

[24] Там же. С. 1245–1246.

кие-то месяцы Гражданской войны привычной картиной. Без гробов: их, похоже, не будет вовсе.

Ту самую чудотворную икону из Вышенской пустыни в 1918 г. арестует чрезвычайка в Шацке. Чтоб не носили ее крестным ходом по уезду, не просили спасения от «испанки».

Крестьяне узнали о глумлении, произведенном в Ч.К. над иконой: «плевали, шваркали по полу», и пошли «стеной выручать Божью Матерь». Шли бабы, старики, ребятишки. По ним Ч.К. открыла огонь из пулеметов. «Пулемет косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым, лезут напролом, глаза страшные, матери детей вперед; кричат: Матушка, Заступница, спаси, помилуй, все за тебя ляжем…»[25].

Мы родимся с этим в крови. С железными нервами: как из колючей проволоки.

Но до нас еще век. До революции полвека.

А пока: ушла холера. Четыре купца-строителя — Носов, Аносов, братья Ашурковы — возводят на Базарной площади Тамбова Христорождественский собор.

<…>

В 1933 г. собор был закрыт. В 1939 г. — разобран. От образов 15-метрового иконостаса, блеска серебра в ризнице, жемчуга плащаницы и афонского ковчежца не осталось, кажется, ничего. Нет и фото интерьеров.

Только пылкая хроника о. Цветаева: сквозная резьба Царских врат была — лозы винограда и колосья. Хранилось в ризнице серебро-вызолоченное праздничное Евангелие работы мастеров Овчинникова: Христос и четыре евангелиста на лицевой крышке, явление воскресшего Господа Марии Магдалине в Гефсиманском саду на оборотной. И другое Евангелие, фирмы Постникова: с сошествием Христа в ад.

А плащаница, шитая жемчугом, куплена на Московской мануфактурной выставке 1865 г. у фирмы Шандрина за 4000 руб. Какова была плащаница — нам не узнать.

В 2018 г. в Тамбове *за торговым домом «Альянс» у магазина «Евролайн»* прошли раскопки[26]. Археологи нашли фундамент Христо-

---

[25] *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. Нью-Йорк: BRANDY, 1979. С. 103.

[26] *Чернышева Т.* В Тамбове собираются построить еще одну церковь / Комсомольская правда. 2018. 14 авг. URL: https://www.tambov.kp.ru/daily/26867/3910298/?ysclid=lecx2llu7m464698734 (дата обращения: 26.02.2023).

рождественского собора. Ныне там сруб часовни. Жестяная кружка в притворе зовет жертвовать на воссоздание храма.

…И не хочу я вступать в ученый спор: а водопровод был Тамбову нужнее! Возможно. Но размашистое усердие купцов-храмоздателей 1870-х — пролог к работе на голоде 1891 г., к расцвету российского Красного Креста, к клиникам и земским МТС 1900-х.

Общество российское, как любое общество, созревало в поколениях. Не успело.

Среди наград Василия Михайловича (многочисленных, утраченных) была «*темно-бронзовая медаль на Александровской ленте для ношения в петлице в память коронования Их Императорских Величеств 15 мая 1883 года*»[27].

Послужной список в РГИА поясняет: был гостем коронации Александра III, ассистентом городского головы Тамбова. Они представляли торгово-промышленное сословие губернии. Но кабы не Исторический архив, потомки купца не знали б об этом.

О присутствии патриарха семьи на коронации молчали даже самые храбрые из них.

> 15 мая началось салютом в 101 выстрел со стен Кремля.
>
> <…> Императорская чета вышла на Красное Крыльцо и, по старинному обычаю, трижды земно поклонилась многотысячной толпе, стоявшей в Кремле <…> начиная с Ивана III, все русские Цари выражали свою готовность служить народу этими тремя земными поклонами со ступеней Красного Крыльца.
>
> <…> Восемь генерал-адъютантов держали над Государем красный с золотом балдахин; восемь камергеров держали такой же балдахин над Императрицей…
>
> <…> Дворцовые гренадеры в формах 1812 года и в медвежьих шапках стояли вдоль пути царского следования. С колокольни Ивана Великого раздался тяжелый удар большого колокола, и тотчас же вслед за ним сорок сороков московских храмов начали торжествен-

[27] РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1124. Л. 532–534. Также В.М. Аносов получил: «*Золотую медаль на Аннинской ленте <…> по должности члена Учетного комитета Тамбовского Отделения Государственного Банка; Золотую медаль на Андреевской ленте для ношения на шее; Орден Св. Станислава 3-ей степени <…> по должности ктитора Тамбовского Реального училища (1889); Орден Св. Анны 3-ей степени <…> 1893 г. по ведомству Министерства Внутренних дел*». В 1895 г. представлен к ордену Св. Станислава 2-й степени «*за десятилетние безвозмездные труды в податном присутствии*». («*Будучи знаком с ходом торговли и промышленности в Тамбовской губернии, он оказывает весьма полезное содействие*», — поясняет служебный формуляр.)

> ный перезвон <…> Глядя с высоты вниз на океан мелькающих рук и непокрытых голов, я видел и лица, мокрые от слез. Я сам старался проглотить слезы, волнение сдавило мне горло, — Россия в эту минуту во мне победила кавказца [7, с. 62–63].

Коронация Александра III... Блеск парадного въезда из Петербурга в Москву. Церемония в Успенском соборе — и звон от Ивана Великого до монастырей на заставах. Ожидание императора в Большом Кремлевском дворце. Сияние риз, золотое шитье придворных и гвардейских мундиров, полосатые шелка среднеазиатских халатов, серебро казачьих газырей, ордена послов и иностранных принцев. Бриллианты дам.

Все это напишут Поленов, Крамской, братья Маковские, Верещагин, Саврасов.

Коронационный обед в Грановитой и Золотой палатах на 500 персон. К закуске — беломорская семга, волжская стерлядь, байкальский омуль, якутская нельма: 15 сортов отечественной рыбы, от Балтики до реки Лены. Перепела, заливное из раков, спаржа…

И те самые темно-бронзовые памятные медали участников коронации, одна из которых была у В.М. Аносова. В конце этого обеда их и вручали гостям.

Горит вечером иллюминация Кремля, Красной площади, Александровского сада, зданий на Воздвиженке, Знаменке, Тверской по проекту инженер-подполковника Фабиуса. Она электрическая — московская иллюминация мая 1883-го! (Напомню: в 1882 г. Т. Эдисон начал электрификацию Нью-Йорка.)

Звенят новенькие серебряные коронационные рубли с профилем Александра III. Идет в Большом театре «Жизнь за царя». В финале на сцене — «Все народы России» (апофеоз).

Царская ложа блещет. Городские головы с ассистентами осанисто сидят в партере.

На второй день коронации Первопрестольная дает в Большой Московской гостинице обед городским головам и их ассистентам. Там городской голова Москвы, философ — и тамбовский помещик — Борис Николаевич Чичерин гремит, призывая, «*чтобы нынешнее наше собрание не прошло бесследно, чтобы оно было началом единения земских людей на пользу отечества*»[28].

[28] *Чичерин Б.Н.* Речь Б.Н. Чичерина, московского городского головы, 16-го мая 1883 г. / предисл. P.P. Berlin: B. Behr's Verlag, 1883. С. 19. Речь философа (умная, точная пророческая) была сочтена крамолой.

Старая Россия была крепостная, и все материалы были страдательными орудиями в руках мастера; нынешняя Россия — свободная, а от свободных людей требуется собственная инициатива и самодеятельность. Без общественной самодеятельности, все преобразования прошедшего царствования не имеют смысла[29].

Именно самодеятельность и единение видятся Чичерину залогом победы в борьбе с «*собственными своими сынами, посягающими на мирное и правильное <…> развитие*»[30] страны.

Увы: за эту речь Чичерин был назавтра снят с поста городского головы Москвы. Его точные, умные диагнозы удалось издать только в Берлине. Неподцензурно.

Все здесь сходится в единый русский узел. Да, расцвет. Тяжелое, грозное, растущее на глазах хлебное, конное, угольное, золотое, рельсовое богатство. «*Единение земских людей на пользу отечества*». Кипение речей. Жесткая рука державы. Подземные толчки. Страна дрожит, набирая скорость. Коронация 1883 г. — апофеоз. Что будет дальше?

Великий князь Александр Михайлович (в будущем — отец русской военной авиации и автор отличных записок) видел коронацию подростком. Он вспоминал, как потрясены были мощью и блеском он, его братья-сверстники и кузен — цесаревич Николай:

> 18 мая Император отправился отдохнуть в свою резиденцию под Москвой — Нескучное, расположенную на берегу Москвы-реки под сенью векового парка.
>
> Лежа в высокой, сочной траве и слушая пение соловьев над нашими головами, мы четверо — Никки, Жорж, Сергей и я — делились между собою тем совершенно новым, поразительным чувством спокойствия, полной безопасности, которое было у нас в течение всех коронационных празднеств.
>
> — Подумай, какой великой страной станет Россия к тому времени, когда мы будем сопровождать Никки в Успенский собор, — мечтательно сказал брат Сергей.
>
> Никки улыбнулся своей обычной мягкой, робкой, чуть-чуть грустной улыбкой[31].

---

[29] Там же. С. 21.

[30] Там же. С. 19.

[31] См.: [7, с. 65].

Это был пикник смертников на Москве-реке. Троих из четверых мальчиков Романовых, лежавших тогда в майской траве Нескучного сада, расстреляют в Гражданскую.

Сотни тысяч судеб будут связаны с ними. Миллионы пойдут следом.

Вот еще награда «купца Аносова»:

> В бытность губернским гласным и уполномоченным Тамбовского Губернского Земства, собранием оного, в постановлении 13 декабря 1892 года выражена благодарность за весьма существенную пользу в качестве уполномоченного по покупке хлеба, и <…> пожалован в 18 день февраля 1893 года орденом Святой Анны 3-ей степени[32].

Василий Михайлович был уполномоченным по закупке хлеба для голодающих в самый страшный недород конца XIX в.: голод 1891–1892 гг.

«*Единение земских людей на пользу отечества*» проявилось в это время. Хотя Россия лишь училась *технологиям помощи.* Но продовольственные ссуды получали 11,9 млн крестьян. Был на несколько месяцев запрещен экспорт зерна из России. Общие расходы «казны» на спасение голодающих составили около 146 млн руб. Общественные работы тех лет признаны неудачными, но все же — дороги, мосты, уездные элеваторы страна получила. А крестьяне-работники получили прокормление.

Правительству и земству сопутствовала работа общества. Устройство столовых, которому тогда уделил столько сил Л.Н. Толстой, — и тысячи сограждан последовали его примеру. Бесплатные и льготные перевозки зерна «по маркам» Красного Креста. Многотысячные пожертвования Юсуповых, Романовых «младших ветвей», Столыпиных — и посильные вклады иных соотечественников (так, Ключевский издаст в пользу голодающих чудесную книгу «Добрые люди Древней Руси»).

Самый известный — и героический — эпос работы на голоде в Тамбовской губернии — столовые Приютинского братства, кружка молодых ученых и начинающих политиков. Среди них: Владимир Вернадский, Федор и Сергей Ольденбурги, Иван Гревс, Иван Петрункевич, Дмитрий Шаховской, Александр Корнилов. «Кормят» в Моршанском и Кирсановском уездах, неподалеку от

[32] РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1124. Л. 534.

усадьбы Вернадовка. Корнилов (в будущем — известный историк) в 1893 г. выпустит очень емкую книгу «Семь месяцев среди голодающих крестьян»[33]. Труд реального устройства столовых в деревнях и школах, поиск дешевого помола и дров, выпечка хлеба, перевозки, закупка скота взамен павшего и съеденного… Сбор пожертвований: 40 коп. от двух учениц Строгановского училища, 2 руб. от профессорской кухарки, 30 000 руб. от великого князя Николая Михайловича… Список в книге длинен.

И страшный контраст между Россией коронации, блеском соборного убранства, электричеством на Невском проспекте с 1884 г. — и полуразобранными на дрова дворами, сиротами пяти-семи лет, о которых нельзя читать спокойно, голыми стропилами изб: солому съел скот, — судьбами:

> Панкратий Жучков, с шестью несовершеннолетними детьми, ездил побираться, вернулся больным, харкает кровью; привез с собою 30 фунтов хлеба кусочками. Для топки разбирает двор; лошадь и корову кормит ветками с ветел[34].

Помянуты и крестьянские дворы с семью лошадьми, пятью коровами.

В том же уезде — имение бывшего министра двора, коннозаводчика И.И. Воронцова-Дашкова. Дочери графа руководят столовыми в своей волости всю голодную зиму.

Еще ближе к Вернадовке село Громок. Здесь столовые в голодный год создала тридцатилетняя художница Мария Федоровна Якунчикова, урожденная Мамонтова — племянница Саввы Мамонтова, «прикладница» из круга мастеров Абрамцева.

В соседнем селе Соломенка Якунчикова открыла после голода артель вышивальщиц. Цель была скромная: восстановить поголовье павшего и съеденного скота. Материалы и эскизы (свои, Елены Поленовой, Натальи Давыдовой) она привозит из Москвы. Крестьянки вышивают. Готовые работы продаются в Москве: в 1890 г. Якунчикова и Елизавета Мамонтова, мать *девочки с персиками*, открыли на Петровских линиях «Магазин русских изделий». Коровы и лошади куплены вышивальщицами за год. Затем — построены школы в Соломенке и Громке. Но женская артель продолжает труды.

---

[33] См.: *Корнилов А.А.* Семь месяцев среди голодающих крестьян: Отчет о помощи голодающим некоторых местностей Моршанского и Кирсановского уездов, Тамбовской губернии, в 1891–92 г. М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1893. 231, 36 с.

[34] Там же. С. 19.

В 1900 г. их вышивки награждены на Всемирной выставке в Париже. М.Ф. Якунчикова получает и орден за организацию русского Кустарного отдела. В 1912 г. в моршанском селе открыта фабрика ковров, бисерного шитья, кружева.

Субсидия Министерства земледелия кустарям Соломенки — 400 тыс. руб.

После революции М.Ф. Якунчикова сослана. В конце 1920-х эмигрирует. Умерла в 1950-х в Русском старческом доме под Парижем, в бедности и болезнях.

…Были судьбы и печальней. Главный донатор Вернадского и его друзей в тот голодный год, великий князь Николай Михайлович (известный историк, составитель великолепного пятитомника «Русские портреты XVIII и XIX столетий», пылкий либерал) — расстрелян в январе 1919 г. в Петропавловской крепости.

По легенде: к стенке по снегу он шел босой. Сапоги снял сам, отдал конвоиру, усмехнувшись: «*Носи. Царские*...». Его «Русским портретам» цены не сложить: многие полотна погибли в пожарах двух революций.

И все же еще раз: единение столь разных людей в спасительной миссии поражает. Хотя и изрядно забыто. Но оно лишь поддерживало работу государства и земств на голоде.

«Казна» кормит в голод 1891–1892 гг. 11,9 млн душ по России. Земства закупают и перевозят хлеб на выделенные им субсидии.

В Тамбовской губернии помощь в тот голодный год получают 1 286 672 человека.

На закупку хлеба и посевных семян земство в 1891–1892 гг. расходует 7 044 389 руб.

Молодой либерал Корнилов признает: «казенные» выдачи муки (с ноября 1891 г.) и посевных семян сыграли огромную роль в спасении от голода. С декабря 1891 г. губернское земство выдавало в бедствующих местностях 30 фунтов муки на человека ежемесячно[35]. («Паек» не получали мужчины 18–55-летнего возраста и дети до 5 лет[36].) Эти выдачи обеспечивали примерно на две трети потребности голодающих. Далее была нужна частная помощь.

[35] Тамбовская губернская земская управа. Отчет Тамбовской губернской земской управы по продовольственной операции 1891–92 гг.: Общий сравнительный обзор заготовок хлебов и выданных ссуд. Тамбов: Губернская земская тип., 1892. С. 26.

[36] *Корнилов А.А.* Семь месяцев среди голодающих крестьян… С. 16.

А вот качество посевных семян «от казны» (по крайней мере, в Моршанском уезде) историк ругает ругательски. Само земство в отчете другого мнения[37].

Рожь, пшеница, сурожь, просо, ячмень, кукуруза, отруби, горох, картофель… Всего Тамбовское земство заготовило тогда 6 050 235 пудов «хлебов»[38]. Миллионы пудов по относительно сходной цене (в неурожайный-то год) нужно было искать и перевозить.

Почти треть нужного провианта пришлось добывать за пределами губернии.

Вот эту работу и вел для губернского земства в 1891–1892 гг. наш В.М. Аносов. Он был не единственным уполномоченным, но его доверенные лица находили и закупали зерно вдоль Лозово-Севастопольской и Екатерининской железных дорог.

«*...Из Мелитополя, Геническа и других пунктов*» в губернию только осенью 1891 г. пришли 1087 вагонов: Аносов закупал пшеницу и рожь, купец Фрейденштейн — ячмень[39]. Продолжалась кампания почти год (земские закупки начаты еще летом 1891 г.). Подробный отчет поминает все накладные расходы и хлопоты: вагоны, речные и гужевые перевозки, амбары, караул, перегрузку, помол, мешки (большой расход!), почту…

Для Аносова эта работа, естественно, была безвозмездной.

К осени 1892 г. голод и спутники его, тиф с холерой, в губернии побеждены. Огромным общим усилием. Печеный хлеб на базарах вновь стоит 2,5 коп. фунт.

По семейной легенде — после работы на голоде тамбовский губернатор В.П. Рокасовский предлагал промышленнику Аносову хлопотать о дворянстве.

Василий Михайлович, прошедший за 25 лет путь от прасола, купеческого сына III гильдии, в потомственные почетные граждане, — отказался со словами: «*Нас и так знают*».

<…>

[37] См.: *Корнилов А.А.* Семь месяцев среди голодающих крестьян… С. 166–168; Отчет Тамбовской губернской земской управы по продовольственной операции… С. 52–55.

[38] Отчет Тамбовской губернской земской управы по продовольственной операции… С. 32.

[39] Там же. С. 42.

Бывший дом Аносовых на Большой (ныне Советская) ул. Тамбова
The former house of the Anosovs on Bolshaya (now Sovetskaya) street of Tambov

Доктор Аносов на Первой мировой войне

<…> Доктор приехал в Тамбов в последний отпуск зимой 1916 г. Сказал отцу:

— *В армии брожения. Я слушаю разговоры раненых: мне страшно.*

Осенью 1914 г. на патриотическом подъеме русские возвращали вклады из банков Европы в надевшее шинели Отечество. П.А. Бурышкин в «Москве купеческой» свидетельствует:

> Тогда и в голову не могло прийти, что можно переводить деньги заграницу, настолько это казалось непатриотичным. В московских общественных кругах такое мнение было единодушным, исключения были чрезвычайно редкими <…> Конечно, после советского переворота настроение изменилось [6, с. 338–339].

У Аносова-отца были счета в британских банках. Конечно, в начале войны он вернул деньги домой. Как все.

В том же декабре 1916 г. депутат Александр Аносов, член Прогрессивного блока и четырех комиссий Думы, пишет со звонким негодованием: «*...Наши старания направлены только к тому, чтобы*

скорее одолеть врага. Об этом же мы слышим и от власти, но получается что-то другое. Наступают все новые разрухи, отдаляющие нас от победы. Пора уже власти признаться в этом и уступить место другим людям»[40].

А его брат-хирург (два ордена, Георгиевская медаль, лазарет на 500 душ в 15 верстах от передовой, два года на фронте) просит отца: *вернуть капиталы в Англию*. Просит собрать женщин и детей семьи (женщин было пятеро, детей от семи лет до полугода — шесть или восемь, смотря какие ветви считать) и отплыть с ними в Британию до конца войны. Молодые мужчины Аносовы, конечно, останутся в России.

И этот единственный путь в Европу был опасен: минные поля в море, германский флот.

Но госпитальные разговоры, видимо, казались доктору Аносову страшней. Те, чьи ноги годами «*утопали в окровавленном и гнойном перевязочном материале*»[41], в глине окопов, — начали понимать степень усталости, ожесточения, безумия этой войны.

Что он слышал в палатах нижних чинов (пусть и образцовых)? То же, что запишет сестра милосердия Софья Федорченко для своей книги «Народ на войне» (1917)?

> Как начну не про вещи думать, голова загудит с непривычки. А я помаленьку: сперва про наше про гореванье, на другой разок — про ихнее измыванье…
>
> <…> А наш депутат револьвер вынул, говорит, застрелится, как уйдем (с позиций. — *Е.Д.*). А пускай его. Лучше одному под пулей-то гинуть, а нас дома ждут.
>
> <…> И выходит на тех счетах — им с нами вовек не расплатиться. Целыми гнездами до исконных дедов нас в черном несчастье держали. Что теперь ни отдай — всего мало.
>
> <…> Зло-то ровно огонь: тогда помрет, когда все сожрет [16, с. 91, 105, 113, 96].

Но человек в обношенном кителе, наголо обритый (на фронте — тиф) не мог дать услышать дальний, как обстрел, гул будущего — человеку в крахмальных воротничках старых истин, патриоту и филантропу, помещику, церковному старосте.

Николай Васильевич, разрумянившись от гнева, ответил:

---

[40] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1301.

[41] *Волконский С.М.* Последний день: Роман-хроника. Берлин: Медный всадник, 1925. С. 396.

Рождество 1917 года: последний детский праздник у Аносовых
Christmas 1917: the last children's holiday of the Anosovs

— Да! Я слышу, как далеко зашли брожения в армии! Если ты, мой старший сын, смеешь мне предлагать…

Никто капитал в Лондон не возвратил. И с полудюжиной детей туда не уехал.

Доктор Аносов рассказал о разговоре только жене Прасковье. Прасковья старшему сыну в 1940 г.: она вернулась в Тамбов из ссылки, он — из ГУЛАГа. Дядюшка в XXI в. — мне.

Четырехлетняя Татьяна всю жизнь помнила прощание с отцом в 1916 г.

Она играла одна в гостиной: кадки с пальмами были джунглями, под роялем мерцала пещера. Вошли родители. Отец уже в форме, мать с оренбургским платком на плечах.

Прасковья плакала. Владимир обнимал ее за плечи.

Они встали вдвоем у высокого окна. У тройного венецианского окна с полукруглыми навершиями — в тяжелом купеческом дубе, в добротной белизне рам, запертых на зиму.

Татьяна поняла: мешать не надо. Молчать. Смотреть из-за латаний, из-за жесткого веера арековых пальм. Но пронзило так, что помнила семьдесят лет спустя:

— Вот что красивей всего на свете: мужчина в мундире обнимает женщину в накинутом на плечи белом платке. Они стоят у окна. За стеклом идет снег.

...Как это было красиво, Алена[42]*! Как красиво! Как красиво!*

Подали лошадей. Все вышли прощаться. Отец уехал.

<…>

Тамбов. 1918 год. Расстрельная камера, ночной эшелон

…Топот ног, хохот, ругань. Звонкий голос из темноты:
«Не беспокойтесь, мамаша, это реквизиционный отряд
с обыском пришел!»
<…> Пляшет огарок. Огромные — на стене —
тени красноармейцев.
М. Цветаева.

С сентября 1917 г. в Тамбовской губернии описывали и ставили на учет крупные имения: ждали национализации земли Учредительным собранием.

6 января 1918 г. «Учредилка» разогнана.

В губернии длится робкое двоевластие. В январе 1918 г. еще действует «аппарат» комиссара Временного правительства.

22 января Н.В. Аносов в союзе со своим поверенным в делах И.И. Маркеловым пишет туда жалобу: Никольско-Кабаньевская волостная комиссия по учету частновладельческих имений описала Софьевку, «*не имея к тому никакого законного основания или повода*...» [12, с. 320][43].

Ответа не будет. 22 февраля губернский совет депутатов упразднит губернскую земскую управу. Управа даже не сразу поверит в это…

Затем начинают сбываться страхи из челобитных Керенскому лета 1917 г.

С февраля 1918 г. в Тамбове белый хлеб — только по рецепту врача [11, с. 35].

---

[42] *Алена*, т. е. Е.А. Дьякова, автор данного текста, которой ее бабушка (Татьяна) рассказывает семейную легенду (*примеч. ред.*).

[43] Судя по иным материалам сборника «Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы» (см.: [12]), присяжный поверенный Иван Иванович Маркелов представлял интересы и А.Н. Нарышкиной (Чичериной). Значит — по определению был одним из ведущих юристов города. Но в 1918 г. его профессионализм и опыт уже никому из доверителей помочь не могли.

В апреле 1918 г. председатель губсовдепа С.А. Евфорицкий пишет: «*Финансовое положение губернии приняло исключительно тяжелый [характер]. Земские больницы, школы накануне закрытия…*» [12, с. 338].

14 мая 1918 г., за месяцы до декрета о продразверстке, центральная газета «Свобода России» сообщает:

> Недавно волостной Совет с. Мучкап Борисоглебского уезда задержал 11 вагонов хлеба, адресованных для Тамбовского Совета <…> для отобрания хлеба был послан специальный отряд из 300 человек с 11 пулеметами и трехдюймовым орудием <…> по селу было сделано несколько выстрелов шрапнелью высокого разрыва. Крестьяне сдались и позволили взять хлеб [12, с. 342].

Весной по тамбовским селам бродят слухи: «*...Красная Армия будет грабить их, граждан, хлебом, скотом, птицей, маслом <...> а также будет приказывать, чтоб курица несла по несколько яиц в день*» [11, с. 55].

17–19 июня губерния взорвется новым бунтом новобранцев. Теперь — мобилизованных в Красную армию.

О «недовороте» (так окрестили эти дни в Тамбове [9, с. 277]) написана книга В.В. Канищева и Ю.В. Мещерякова «Анатомия одного мятежа: Тамбовское восстание 17–19 июня 1918 г.» (см.: [11]). Новобранцы, забритые в Красную армию, офицеры, что еще оставались в городе, тамбовские правые эсеры, недавние члены губернской земской управы, генералы «на покое» образовали причудливый и непрочный союз. Но — заняли штаб красных в синема «Колизей» (бывшее Дворянское собрание) легко, после пулеметной перестрелки.

«Бывший» Тамбов воспрял. На Большой улице засверкали трубы полкового оркестра. Начались гулянья… Новобранцы разошлись по селам. Офицеры — душ триста — остались.

20 июня из эшелона высадилась тысяча красных кавалеристов под командованием Васо Киквидзе. Синема «Колизей» отбили назад. Начались аресты и расстрелы.

Свидетель в совдепе уездного Кирсанова докладывал:

> Прибыл отряд под командой Киквидзе <…> который сразу принял действия с этими контрреволюционерами. Главное офицерство, которых (так в тексте. — *В.К., Ю.М.*) он расстрелял за стан(цией) Тамбов — 260 человек, да еще во время пути к Тамбову ему встре-

чались бежавшие офицеры из Тамбова, — он их расстреливал. По его объяснению, по дороге было расстреляно 26 человек офицеров, да в числе расстрелянных офицеров в городе Тамбове был зарублен шашкой один священник, который признался, что стрелял из пулемета (цит. по: [11, с. 237–238]).

Расстреливали и в казармах верных большевикам полков.

И просто: «*“...за Кривым мостом по Рассказовской дороге <...> был поднят труп неизвестного мужчины, на вид около 20 лет; судя по одежде, он был офицером”*» (цит. по: [11, с. 238]). Бумаг при нем не было.

Свидетельство петербуржца, штаб-офицера с «Георгием» — Антона Окнинского:

В июне 1918 года был арестован Тамбовской чекой по обвинению в обезоруживании на улицах города красногвардейцев во время эсеровского восстания и заключен в подвал при той же чеке <…> В подвале вместе с другими <…> арестованными офицерами <…> просидел около трех месяцев.

<…> Дни проводил вместе с другими арестованными в <…> работе по очистке выгребных ям в городе <…> и каждую ночь ожидал своей очереди для вывода на расстрел.

Чистое белье не позволяли принимать от приносивших его. Позволяли это только тем, которые в предстоящую ночь подлежали расстрелу. Поэтому получение чистого белья было равносильно смертному приговору [14, с. 62].

Свидетельство Сергея Волконского (из книги «Мои воспоминания. Родина»):

В губернском городе представителей дворянства, помещиков, профессоров, учителей гораздо больше, чем в уездном, и потому большевистские расправы занимали <…> больше места в губернской жизни, чем в уездной; масштаб их был шире, имена расстрелянных не сходили с уст. И ужасные подробности! Кто-то лесом проходил и видел несколько трупов недавно расстрелянных; лежали в куче, а один не был добит и, лежа лицом к земле, рукой судорожно ерзал по груди, все крестился, крестился… [9, с. 276]

Свидетельство Владимира Вернадского — его дневник января 1920 г.:

> Вчера Соня [Бакунина] рассказывала свои переживания в Тамбове более года назад. Кошмар такой жизни так стоит ярко <…> Вся моя земская деятельность в Тамбове встает передо мной, как что-[то] далекое, далекое [8, с. 22].

Васо Киквидзе, командир этой карательной операции, погибнет в январе 1919-го. В 23 года. Комиссар той же «тыщи» красных конников, матрос Анатолий Железняков (да, именно тот, у которого «караул устал»), погибнет в июле 1919-го. Ему будет 24.

Имя Киквидзе посейчас носит улица в Тамбове, ведущая из предместья к вокзалу. Ад столетней запущенности прикрыт яркими билбордами BMW, рекламой моторных масел. Улица упирается в старый пакгауз, глухую кирпичную стену «*за стан(цией) Тамбов*».

Не здесь положили 260 душ? На черном рубероиде крыши криво написано: «СОЛЬ».

…Конец июня 1918-го. Допросы в Тамбовской ЧК.

> Красногвардеец В.И. Погонялин, который был арестован повстанцами <…> сообщал также, что заметил в повстанческом штабе своего сослуживца по полку офицера Аносова. «Он, — отмечал свидетель, — тамбовский житель, сын богатых родителей, дурак и недоучка» [11, с. 184–185].

Оставим «*дурака*» и прямой донос на классовой совести товарища Погонялина. Но младший из братьев Аносовых, Николай, и вправду не окончил курс, вышел из университета. Погонялин мог встретить у повстанцев Аносова другой ветви. Но «наши» Александр и Николай летом 1918 г. — в Тамбове. Арестованы. Спас их большевик Михаил Чичканов.

Член РСДРП с 1908 г. Знакомец Марии Ульяновой. Окончил Тамбовское реальное училище. Петербургский политехнический институт окончить не успел: ушел в революцию. К лету 1918-го — председатель губисполкома. На фото его — хорошее студенческое лицо.

Я слышала в детстве: отец Чичканова был объездчиком на конном заводе В.М. Аносова и разбился насмерть. Василий Михайлович платил пенсию вдове, выучил двух сыновей в реальном училище. Михаилу помог учиться и в Петербурге. Ждал его в Софьевку инженером.

У дяди Володи версия другая: «*В Тамбове была домоправительница. Анна Ивановна. У нее ключи были, вызов телефонный, горничные. Утром деду варила кофе. В таком громадном кофейнике. Сама молола ему этот кофе.*

А племянник ее, Чичканов, был в Тамбове главковерхом. И когда дядю Колю и дядю Сашу арестовали, обратились через Анну Ивановну к нему. Он приехал и говорит: "Я могу их освободить. Но чтобы через сутки их в Тамбове не было"».

Ночью делили на четыре части не отобранные при обысках побрякушки. Перекусывали сахарными щипцами цепь от часов городского головы. Дети радовались: «*Ехать куда-то — интересно!*» Няни плакали, складывая вещи.

В эшелоне с ними ехал в ту ночь господин, которого дети Аносовы помнили сорок лет. Он был сед, спокоен. Шутил. Нашел для них шоколад в кармане шинели.

…Ночь, спешка, эшелон. Расстрельная камера у отца за плечами. Уже в 1950-х гг. Надежда и Галина Аносовы спросили мать: был человек в солдатской шинели — или примерещился им в лихорадке бегства?

Клавдия Алексеевна кивнула: «*Князь Волконский*».

Вероятно, Сергей Михайлович. Из четырех братьев, внуков декабриста, именно он пережил в Тамбове «недоворот» и вскоре покинул город.

Спаситель братьев Аносовых Михаил Чичканов погибнет через год. Осенью 1919 г. он уехал на охоту в Кирсановский уезд: бродил у реки Вороны с ружьишком, без охраны. Убили его восставшие против Советской власти крестьяне. Первые антоновцы. И жестоко. Комиссару Чичканову было 29 лет. Через два года тамбовские антоновцы примут жестокую смерть от Тухачевского. А Тухачевский примет смерть… Ой, хватит.

Тамбов, осень 1918-го. Александр и Николай с семьями покинули город. Владимир со своим лазаретом — где-то на Юге. Писем нет. Николая Васильевича многократно арестовывали, держали несколько дней и выпускали за мзду. Последний раз пришел — штаны веревкой подвязаны. Потом их выселили из дома на Христорождественской: седого промышленника, невестку Прасковью и детей — девяти, шести и трех лет.

Первое воспоминание младшего — трехлетнего Сергея: мать тащит вниз по лестнице тяжелый сундук. На ступеньках молча стоят чужие в шинелях и островерхих шапках.

Лестница — та, по которой в марте 1917-го летела вверх красавица Наталия с криком: «*Папа! В Петрограде революция!*» Между сценами «вверх и вниз» — полтора года.

Когда дом Аносовых реквизировали, Прасковья с детьми ушла на Кирпичную улицу к родителям, Порфирию Никандровичу и Елизавете Дмитриевне. Скромное происхождение из тамбовских мещан православного вероисповедания спасло кирпичного фабриканта Ефимова. Да и жили в небольшом доме сам-девять: родители, четыре дочери, трое внуков Аносовых. Их не выселили.

По семейной легенде, когда завод пришли национализировать, рабочие Порфирия Никандровича пытались защищать его от Красной гвардии. Но силы были неравны.

Часть кафельщиков-кирпичников осталась жить в бывших цехах. Вместе с семьей хозяина растили картошку. При НЭПе Ефимов пытался возродить производство. Однако… сломался дизель, гордость завода: на него фабрикант когда-то долго копил.

И нужна-то была мелкая деталь! Но ни купить ее заново, ни выписать из столиц, ни выточить на месте в Тамбове 1920-х было уже невозможно. Дизель погиб навек.

Порфирий Никандрович с рабочими мешал глину, лепил кирпичи вручную: так он начинал полвека назад. Но быстро в методе отчаялся. Сказал: «*Надсмешка одна…*» — и умер.

Кое-где на фасадах старого Тамбова «кафель Ефимова» блестит до сих пор.

Елена, Ольга и Елизавета — сестры Прасковьи. Каждая на свой манер. Тихую конфузливую Ленушу почему-то рано взяли из гимназии. Огород и корова были на ней. Говорят: никто не умел так вкусно печь, томить, парить самую простую еду в русской печи.

Ольга была главная красавица. В 1910-х — декадентка, в 1930-х — богомолка. В войну — истовая пламенная прихожанка святителя Луки Войно-Ясенецкого. Бывала Ольга Порфирьевна и звана на чай к владыке, во флигель Зайцевых на Комсомольской улице.

На Елизавете Порфирьевне держалось все. Полвека она прослужила дантистом в железнодорожной поликлинике Тамбова. Даже получила орден Ленина в старости. Полвека работала инструмента-

ми: выписанным из Германии в конце 1900-х огромным комплектом золингеновской стали. И лучше тех ланцетов-скальпелей не было.

А железная дорога… это зарплата, паек, уголь. Каменная стена для всей семьи.

Вот она на фото — еще в частном кабинете 1910-х, на фоне затейливой бормашины. Гордая, полная надежд. Белый халат похож на античный хитон. Меандры по рукавам.

Был и жених у Лизы. Знаю только: был. Умер от чахотки. Деревянный дом Ефимовых над Цной давно снесен. Личные фото влились в семейный архив. Вот он, в бобровой шапке. Годится в персонажи Бунина. На паспарту: «*Москва. Тверская, 37*». На обороте: «*Арсеній умеръ 1913 года 25 мая. В 5 час. 25 м.*» И номер участка на Ваганьковском.

А ей: война, революция, гибель дизеля. Деньги, паек, уголь. Посылки в Яренск: сестре в ссылку. В Мариинск: племяннику в тюрьму. Полвека за прялкой бормашины: *ж-ж-ж*…

Читаю повесть «Цирк»[44] Маргариты Волиной о приюте 1920-х в доме Асеева над Цной: грязь, разруха, дизентерия, трахома, тиф, смерти. Читаю «Россию после четырех лет революции»[45] Сергея Маслова, о детдомах: то же в масштабе страны.

Прасковья знала: с ее детьми, даже при полном сиротстве, так не будет. У них есть сестры Ефимовы. Из мещан православного вероисповедания. Печь. Огород. Бормашина.

Когда Аносовых выселяли из дома, столовое серебро опечатали в кладовке. Вазы, ладьи-ендовы — призы сельскохозяйственных выставок… 84-я проба *уклада, уюта, устоя*[46]: сахарные щипчики, чайники, улыбчивые ложки для соуса, кофейные с витым стеблом. Вилки со славянскими буквицами «М.У.» из приданого Марии Умняковой 1882 г.

Кто-то из слуг (они еще оставались в доме) рискнул головой. И ночью открыл кладовку.

За серебром поехала сестра Прасковьи, декадентка Ольга. С собой взяла племянников: Владимира и Татьяну — девяти и шести лет.

Дальше прямая речь девяностолетнего дяди Володи:

---

[44] *Волина М.* Цирк. URL: http://samlib.ru/m/margarita_w/cirk.shtml (дата обращения: 26.02.2023).

[45] *Маслов С.С.* Россия после четырех лет революции: в 2 кн. Париж: Русская печать, 1922. Кн. 1. 206 с.; Кн. 2. 207 с.

[46] *Межиров А.П.* Тысяча мелочей: Лирика. М.: Современник, 1984. С. 218.

— У деда Порфирия был под Тамбовом кирпичный завод. Мы там жили практически во время ленинской этой баламутии. А у Аносовых каждую ночь обыски были.

За серебром, да… Я участник этой истории. С теткой и с нами с завода приехал кучер. Василий Иваныч такой был. Погрузили в плетенки… Да ты Тамбов знаешь?

— Плохо.

— Ну: назад, на завод, ехать надо было мимо Интендантских складов. Там часовой стоял. Поехали. Он кричит: «Стой!». Василий Иваныч был мужик крепкий — молча нахлестнул лошадь. Часовой выстрелил. Тут тетка расквасилась, мы встали.

Подходит: «Что там у Вас?» — «Везу двух детей в больницу. Вот их вещи». Вещички посмотрел: ничего там завидного нету… Поворошил рукавицей сено, глянул на плетенки: «Проезжайте».

Серебро из телеги Василия Ивановича продавали в 1920-х, сдавали в Торгсин в 1930-х. Письменным прибором *ар-нуво* со стола Н.В. Аносова поклонились двадцать лет спустя московскому чину НКВД с тамбовскими корнями. Чтобы перевел Владимира — подросшего ребенка из той телеги — из сибирской тюрьмы в подмосковный лагерь.

Чин перевел его в Апрелевку, строить Киевское шоссе. Грех жаловаться.

Еще тамбовский слух 1918 г. по памяти Владимира:

— В Казанском монастыре, когда там была ЧК, их — семь человек — на расстрел вывели. Они перебили этот самый конвой. И как были, полуголые, переплыли реку.

А за рекой — посад. Сколь чекисты ни искали, ни одного не нашли. Так-то, милая моя…

<…>

Тамбов. 1920-е

Общий фон жизни — статистика. «Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии. 1921–1922 гг.»: 553 страницы — с подробностью и добротностью старой земской статистики[47]. Собственно, «прежние кадры» справочник и готовили.

Даже по сравнению с 1917 г. запашка в губернии в 1921 г. *сократилась* на 22%. Удобрена лишь треть пашни. 43,6% хозяйств в Бори-

[47] Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. 553 с.

соглебском уезде, 32,2% хозяйств в Кирсановском имели землю, не вспаханную частично или полностью. 8% хозяйств в Борисоглебском уезде пахали на коровах, а 14% хозяйств сеяли в 1922-м по «*пожару*», вовсе без вспашки [4, с. 171–172, 174]. Как вятичи и кривичи в древности.

Главная причина — резкое падение числа мужчин. И лошадей. Мужчин в губернии после Гражданской меньше, чем женщин, на 150 тыс. (в 1917-м было меньше всего на 12 тыс.[48]). Лошадей уцелела половина: было свыше 623 тыс., осталось 339 тыс.[49]

Из 122 больших и малых конных заводов к 1922 г. уцелело лишь три. Свиней в Тамбовской губернии — 26,8% от поголовья на 1917 г. По коровам и овцам — сходные цифры. Промышленное птицеводство уничтожено полностью. А до революции животноводство давало 44,6% дохода от сельского хозяйства губернии [4, с. 173–174].

В 1910–1911 гг. губерния произвела 1 859 022 пуда сахара. Из сахарной свеклы, выращенной здесь же. В 1922 г. — 65 189 пудов сахара, 3% «довоенной выработки» [4, с. 175].

«До войны» 17 масляных заводов губернии давали 418 900 пудов подсолнечного масла. В 1922 г. цел один завод. Это 30 694 пуда, 7,3% прежней выработки [4, с. 175].

«Тамбовский завод гжельного кирпича» в 1922 г. выдает 11,71–14,68% довоенной выработки [4, с. 176]. Так и по всей России.

> …Общая продукция русской крупной промышленности упала в 1921 г. до 12–13% довоенной, население, благодаря неурожаю 1921 г., не было в состоянии приобрести даже такую ничтожную долю того количества товаров, которое потреблялось им в мирное время[50].

Прогнозы лета 1917 г. быстро сбылись.

Но если в 14 раз падает производство масла, в 33 раза — сахара, в 7 раз — резины и байки, что происходит с ценами на щи, пряники и галоши?

В справочнике 1922 г. есть таблица «довоенных» тамбовских цен. Пуд ржаной муки стоил от 94 коп., картофеля — от 15 коп., растительного масла — от 5 руб. 15 коп., ядрового мыла — от 4 руб. 5 коп.,

---

[48] Статистический справочник по Тамбовской губернии. Год 3-ий. Тамбов: Пролетарский Светоч, 1926. С. 126.

[49] Краткий обзор народного хозяйства… С. 427.

[50] Там же. С. 475.

сахара — от 5 руб. 44 коп.[51] С 1 октября 1921 г. дорожают: «*продукты бакалея*» — в 170 тыс. раз, «*железные предметы, одежда и хлебные продукты*» — 100–120 тыс. раз, «*осветительные материалы, жиры и канцелярские принадлежности*» — 70–80 тыс. раз, «*дрова и предметы широкого потребления*» — в 50 тыс. раз[52].

Обыватель 1922-го на своей шкуре изучил динамику курса рубля в те годы. Соотнести рост цен с реальной инфляцией, прежний рубль с «лимоном» каждый мог сам[53].

> …Отчетный год является периодом самого катастрофического за все время войны и революции падения курса рубля с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. Общий уровень цен (индекс ЦСУ) поднялся в 92,4 раза…[54]

Тамбовская губерния — не самая бедствующая в голодном 1922-м. Но все же «*по состоянию на 1-е июня*» в Борисоглебском уезде умершими от голода признаны 1456 человек. В Кирсановском — 935. В Тамбовском — 747[55]. Составители справочника замечают: «*…В начале 1922 года <…> население в буквальном смысле умирало от голода…*»[56]

При этом «*твердое задание*» по изъятию хлеба в Тамбовской губернии в 1921–1922 гг. составило 15,5 млн пудов. На общественное и детское питание в самой губернии — Центр оставил Тамбову 15 тыс. пудов[57]. То есть 0,1% изъятого.

Власть народа делает все, чтоб передать школы, детские сады, больницы на кошт уездов, а чаще — «*на содержание трудовому населению*»[58]. В 1921 г. сняты с пайка детские сады Тамбова. Снабжаются лишь дома ребенка: отмечен огромный наплыв в них «*беспризорных и голодающих*»[59].

В январе 1922 г. и концлагеря (их пять в губернии) переведены на *самоокупаемость*.

---

[51] Там же. С. 485.
[52] Там же. С. 476.
[53] Там же.
[54] Там же. С. 475.
[55] Там же. С. 540.
[56] Там же. С. 499.
[57] Там же. С. IV–V.
[58] Там же. С. 27.
[59] Там же. С. 30.

> С июля 21 г. фактически не получалось никаких денежных ассигнований <…> и в лагерях создалось критическое положение: голод и заболевания. Это обстоятельство заставило прибегнуть к широкой разгрузке заключенных[60].

Правда, методы «разгрузки» в справочнике названы нелегальные: освобождение, перевод в другие лагеря и побеги[61].

Но голод в концлагерях не мешает губернской власти издать в 1922 г. 313 циркуляров агитационного содержания. На это деньги были.

И в каждой главе справочника 1922 г. повторено заклинание: в происходящем виновны три кровавых контрреволюционных чудища. Мамантовский рейд (три дня, 18–20 августа 1919 г., «белые» были в Тамбове, 14–31 августа — прошли по губернии). «Бандитизм» (антоновское восстание). И неурожай 1921 г.

Статистика 1926 г. покажет: смертный голод отступил. Но и в расцвете НЭПа жизнь губернии бедна и сурова. Запашка середины 1920-х составляет 95,6% площади 1917 г.[62] Резко упало число сеялок и жнеек. Молотилок и сенокосилок почти не стало. Зато растет число борон, особенно «*железных и деревянных с железными зубьями*»[63]. Выявлена «*тенденция к утайке числа кур*»[64]: народная власть обложила птицу налогом, о чем прежде не слыхивали.

Возрастает процент «двухлошадных» крестьянских хозяйств в губернии середины 1920-х — с 2,6% до 3,4%[65]. Вот группировка крестьянских хозяйств по посеву в 1926 г.: без посева — 2,1%, с посевом до 2-х десятин земли — 25,4%, свыше 10-ти десятин — 1,1%[66].

Еще раз: это 1925–1926 гг. Единственное вольное десятилетие деревни.

Прошла денежная реформа. Заблестел советский червонец. Вот зарплаты «новыми» в Тамбове в августе 1926 г. Больше всех — 104,64 руб. в месяц — получают судьи. 93,48 руб. — зарплата врачей лечебных учреждений (21,87 руб. в месяц — заработок санитаров

[60] Там же. С. 513.
[61] Там же.
[62] Статистический справочник по Тамбовской губернии… С. 127.
[63] Там же. С. 135.
[64] Там же. С. 134.
[65] Там же. С. 139.
[66] Там же. С. 159.

и сиделок). Учителям причитается 46,62 руб.[67] Пособие на кормление ребенка — 4 руб. в месяц. Разовое — на рождение младенца — 10 руб.

При этом дотошные статистики 1926 г. подсчитали: на полноценное питание *одного человека* по ценам кооперации нужно около 100 руб. в месяц.

В губернии 1926 г. — 63 детдома. Правда, проживают в них лишь 4990 сирот[68].

Опубликованных воспоминаний о Тамбове 1920-х годов немного. Вот «Записки старого взрывника» С.А. Давыдова (см.: [10]). Автор — сын бывшего помещика Моршанского уезда, племянник бывшего председателя губернской Земской управы Ю.В. Давыдова. Пишет он сдержанно, с полной мерой достоинства. Из-за чего, скорее, смягчает обстоятельства.

В 1920-х подросток Степан Давыдов подрабатывает кольщиком в Тамбове на дровяном складе. Носит передачи отцу в тюрьму. Свидетельствует:

> В то время довольно распространенной болезнью было воспаление лимфатических желез, у кого — подмышкой, у кого — под нижней челюстью, а у кого — в паху. Как раз последним <…> наградил Господь Бог и меня [10, с. 69].

Причины этой хвори — холод, недоедание, хронический стресс. И дефицит мыла.

А что наши? Семейных фотографий 1920-х почти нет. Вот, сохранилась справка:

> Сим удостоверяю, что гр. Аносова Прасковья Порфирьевна состоит в должности научного сотрудника при Тамбовском Губ. Архивном бюро с февраля мес. 1922-го по настоящее время и в течение означенного времени в исполнении своих обязанностей проявила выдающуюся энергию, знания и добросовестное отношение к делу.
>
> Заведующий Тамб. Губ. Архивн. бюро Ив. Катаев
>
> 20/IX – 1924 г.

[67] Там же. С. 366.

[68] Там же. С. 60.

Прасковья Аносова (вторая справа) с сотрудниками Тамбовского архива (1920-е гг.)
Praskovia Anosova (2nd from right) with Tambov archive specialists (1920s)

Молодой коллега, сам из тамбовских «бывших», написал на нее донос: семья Аносовых, муж — врач Белой армии. Директор губархива вызвал его, сказал: «*Аносова — вдова с тремя детьми. А вы дворянин. Стыдитесь!*» Донос был порван при авторе.

Директор архива тогда — Иван Матвеевич Катаев. Почтенный историк, автор учебников. Отец блестящего (и не «контрреволюционного», но зоркого и честного) прозаика Ивана Катаева. Его сын будет расстрелян в 1937 г. В 35 лет.

…Аносовы-Ефимовы не голодают по-настоящему. Но школьный завтрак детей — кусок черного хлеба, посыпанный сахаром, политый водой. По ночам Владимир и Татьяна шепчутся, вспоминая прошлое. Младший — Сергей, 1915 года рождения — ябедничает матери: слышал ему лично не знакомые, но явно нехорошие слова — «булка» и «колбаса».

Они даже зовут друзей, устраивают елки, но за плотно занавешенными окнами. (Цепи на елку в Тамбове, как и по всей России, вешать «низзя»: цепи — символ угнетения пролетариата.) Прасковья продает пианино, серебряные ложки, книги. Но платит за уроки немецкого и французского для детей (их в Тамбове дают дамы из «бывших»).

Из дореволюционной библиотеки Аносовых она сохранила собрания сочинений Пушкина, Некрасова, Ключевского, Достоевского, Владимира Соловьева. В 1960-х годах потомки вздыхали: беречь надо было Метерлинка и «Русскую охоту». Прабабушка оправдывалась: «*Я думала: Пушкина больше никогда не издадут. Детям сберечь…*»

Ключевский, Достоевский, Соловьев и вправду были в 1920-х под запретом.

Вновь к запискам их сверстника — Степана Давыдова. После седьмого класса учиться детям лишенцев было запрещено.

> Таких, как я, по городу набралось порядочно и родители начали усиленно хлопотать. В результате при школе № 1 (бывшей гимназии) <…> разрешили организовать класс самоокупаемости, т. е. класс с платным обучением [10, с. 70].

Но тут в «Тамбовской правде» вышел фельетон о детях классовых врагов в школе № 1.

> И началось: вот вы такие-сякие, обманным путем проникли в советскую школу.
>
> <…> А потом объявили голосование и единогласно всех нас исключили [10, с. 77].

Татьяна Аносова все же училась. В середине 1920-х к ним в класс пришла новенькая — бледная, сдержанная девочка. Новенькие из Петрограда и Москвы были в тамбовских школах 1920-х привычным делом: семьи «бывших» (чаще — вдовы с детьми) бежали из столиц в относительно тихую и хлебную губернию.

Татьяна с петроградской девочкой подружилась и любила ходить к ней в гости.

До 1914 г. мама «новенькой» считалась дамой крайне хрупкого здоровья.

По заключению столичных врачей, — зимовать в России она никак не могла.

Осенью петербурженка садилась в Одессе на пароход. До апреля жила в Александрии Египетской. Там было много таких в 1910-х гг.: предчахоточных европейцев в шляпах из флорентийской соломки, в пробковых шлемах, в коломянковых пиджаках и батисте.

А весной, аки ласточка, больная возвращалась к мужу и дочери в Петербург.

В революцию муж-адвокат погиб. У девочки осталась только мать, дама хрупкого здоровья. Жизнь показала: зимовать в России, колоть на дворе дрова она вполне может.

От путешествий в Египет уцелел чемодан с сущей чушью: бумажные веера, медные браслеты, рекламки товарищества «Меркурий», скарабеи из блеклой ляпис-лазури, клочья шелка. Сидя с двумя девочками у печки, дама открывала *la valise*[69] и рассказывала: *серебром холодной зари озаряется небосвод, меж Стамбулом и Скутари пробирается пароход…* Гора Акрокоринф со шрамом во всю грудь от Сизифова камня. Щебень Акрополя. Пирамиды и бедуины. Ослики в бубенцах везут груды мандаринов на рынок.

Щелкали мятые замки потертого чемодана. В руки ворохом открыток выпадал мир.

— *Ты знаешь,* — говорила Татьяна, подполковник РККА и ветеран Сталинграда, семьдесят лет спустя, — *той зимой, перебирая пароходные веера, медь и бисер, я поверила, что и вправду есть… какие-то еще формы жизни. Египет и Греция, море и пароходы. А не только вьюга в степи, картошка в печи и Тамбов 1920-х.*

…Лет до пятнадцати Татьяна носила нательный крест. Что в тамбовской школе 1927 г. никак не приветствовалось. Кто-то тихо предупредил:

— *Аносова, завтра с тебя комсомольцы крест срывать будут!*

На перемене ее окружили, схватили за локти, вытащили из ворота цепочку. На ней висел уже не крест, а позолоченный медальон с жемчужинкой, подарок гимназиста Владимира Аносова гимназистке Прасковье Ефимовой в 1902 г.

Татьяна стряхнула лапы общественности. Сама открыла медальон: семнадцатилетний отец в мундирчике, юная мать в крылах черного фартука.

Спросила, глядя в упор серыми аносовскими глазами:

— *Родителей — можно?!*

— *Родителей можно…* — подтвердили комсомольцы и расползлись.

Я много смысла вижу в этой истории. Заменой кресту в XX в. стала родовая память.

Они прожили не свою жизнь, да. Пронесли ее на прямых плечах — тяжелую, как шинельная скатка. Но даже чуть вчитавшись в хроники 1920-х – 1930-х, понимаешь: как много их современников

[69] Чемодан (*франц.*). *Примеч. ред.*

не прожили вообще никакой. Или почти никакой. От 1456 жертв голода 1921 г. в Борисоглебском уезде (на метровых черноземах) — до детей из приюта в доме Асеевых, которых косила голодная дизентерия. От обезумевшей крестьянки с мертвым младенцем в концлагере на Покровской площади (там, за проволокой, на голой земле, держали семьи «антоновцев») — до расстрелянного писателя Ивана Катаева. От пропавших без вести двоюродных братьев — до безымянных, погибших в подвале дома В.В. Аносова.

<…>

Дети Аносовы. Конец 1920-х

<…> Я вообще думаю: главное здесь — не полвека процветания степных Будденброков. Не тысячи десятин Василия Михайловича, не коронация Александра III, не школа и ярмарка Вознесенского монастыря. Не IV Дума, не особняк стиля *а-ля рюсс* с электрогенератором.

Главное в истории Аносовых — выживание в 1920-х – 1930-х. Выживание с чистыми руками. Воля к образованию как воля к жизни. Неуничтожимость семьи.

Да, они потеряли все. И все способы самозащиты. Кроме твердого хребта и головы на плечах. Кроме ответственности семьи за всех своих. И матерей за детей.

Их опыт в 1920-х гг. — словно комментарий к строкам Аверченко:

> …Умер Простодушный…
>
> Доконал Константинополь русского Простодушного.
>
> <…> Выковали из нас — благодушных, мягких, ласковых дураков — прочное железное изделие [1, с. 213].

Тогда же по другую сторону границы Михаил Булгаков пишет:

> После революции народилась новая, железная интеллигенция. Она и мебель может грузить, и дрова колоть, и рентгеном заниматься.
>
> <…> она не пропадет! Выживет.
>
> <…> Зачем пропадать. Пропадать мы не согласны [5, с. 213].

Прочными железными изделиями были Владимир-младший и Татьяна. И молчаливый ленинградский профессор Н.Н. Аносов-младший. И хрупкая французистая Надежда Александровна. И вальяжный насмешник Тема.

«*Прочное железное изделие*»: спору нет. Но нас в конце столетия именно *эта ясная, твердая, верная сталь* растила и любила. Кто был жив, конечно.

Литература

1. *Аверченко А.Т.* Записки Простодушного. М.: Книга и бизнес, 1992. 365 с.

2. *Акользина М.К., Орлова В.Д.* Проявление религиозности тамбовского купечества в XIX – начале XX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. Тамбов: ТПС, 2016. Вып. 3. С. 174–183.

3. *Аносова Н.Е.* Пока еще ярок свет… О моей жизни и утраченной родине. М.: Встреча, 2017. 243 с.

4. *Балмасов С.С.* Итоги подавления тамбовского восстания по официальной статистике // *Сенников Б.В.* Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. М.: Посев, 2004. С. 161–176.

5. *Булгаков М.А.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Голос, 1995. Т. 1: Дьяволиада. 464 с.

6. *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М.: Столица, 1990. 352 с.

7. Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний / предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. 271 с.

8. *Вернадский В.И.* Дневники: 1917–1921 (Январь 1920 – март 1921). Киев: Наукова думка, 1997. 328 с.

9. *Волконский С.М.* Мои воспоминания: в 2 т. М.: Искусство, 1992. Т. 2: Родина. 383 с.

10. *Давыдов С.А.* Записки старого взрывника. М.: ГПИБ, 1992. 96 с.

11. *Каницев В.В., Мещеряков Ю.В.* Анатомия одного мятежа: Тамбовское восстание 17–19 июня 1918 г. Тамбов: ТГУ, 1995. 295 с.

12. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2003. 480 с.

13. *Кученкова В.А.* Тамбовские городские некрополи. Тамбов: Книжная лавка писателя, 2001. 76 с.

14. *Окнинский А.Л.* Два года среди крестьян. М.: Русский путь, 1998. 272 с.

15. *Середа В.П.* «Гордо неси свое горькое бремя…». И.М. Потапов. Тамбов: Мичуринск, 2014. 511 с.

16. *Федорченко С.З.* Народ на войне. М.: Сов. писатель, 1990. 400 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

“We All Live above the Missing Country.” The Family Chronicle

© 2023. Elena A. Diakova
Literary and theatre critic

Text prepared by © 2023 Daniil V. Zabotin
Introduction by © 2023 Ekaterina E. Dmitrieva

Abstract: This publication is a part of the author’s family chronicle, based on the archival materials, family documents and memoirs basis. The cronicle examines the Anosov merchant family history from the 17th century to the first post-revolutionary years as inscribed in the history of the country and in reflections on the Russia’s destiny. The first part of the story describes the Anosov merchants establishment, their belonging not only to the financial, but also to the spiritual town’s elite. The son of a Tambov fish farmer, transporting sterlet from 900 miles along the highway, purchased P.I. Melnikov-Pechersky’s works in 14 volumes and made his offspring to read it, “that they may learn how we, the Anosovs, used to live.” The merchant family made donations to the charity within the town, and later one of them became the Mayor of Tambov. In 1871 family members participated actively in Tambov fight against the cholera epidemic. When, according to a family legend, the Governor of Tambov had offered the manufacturer Anosov to obtain noble status, Vasily Mikhailovich refused saying “They know us well already.” The next episode in the family history is the First World War, when another family member, Vladimir Anosov, a gifted surgeon, was working as a military doctor. At that moment the Anosovs are returning their deposits from European banks to Russia. The third episode of the article describes Tambov in 1918: the punitive operations, the execution chambers. The Anosov family, miraculously escaped, leaves the town in the same carriage as Prince Sergei Mikhailovich Volkonsky, their estate neighbor. The last episode is devoted to Tambov of the 1920s: reflections on the family destiny during these years intermingles with reflections on the subsequent destiny of their descendants.

Keywords: Anosovs, Tambov merchants, charity, Tambov in 1918–1920s, historical memory.

Information about the author: Elena A. Diakova — a member of the Association of Theater Critics, the Russian Union of Journalists, the International Federation of Journalists, the Moscow Writers’ Union.

For citation: Diakova, E.A. “‘We All Live above the Missing Country.’ The Family Chronicle,” text prep. by D.V. Zabotin, introd. by E.E. Dmitrieva. *Literaturnyi* fakt, no. 1 (27), 2023, pp. 8–55. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-8-55

References

1. Averchenko, A.T. *Zapiski Prostodushnogo* [*The Notes of the Simple-Minded*]. Moscow, Kniga i biznes Publ., 1992. 365 p. (In Russ.)

2. Akol'zina, M.K., and V.D. Orlova. "Proiavlenie religioznosti tambovskogo kupechestva v XIX – nachale XX veka" ["The Manifestation of the Religiosity of the Tambov Merchant Class in the 19th – Early 20th Centuries"]. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii*, no. 3, 2016, pp. 174–183. (In Russ.)

3. Anosova, N.E. *Poka eshche iarok svet… O moei zhizni i utrachennoi rodine* [*While the Light is Still Bright… About my Life and my Lost Homeland*]. Moscow, Vstrecha Publ., 2017. 243 p. (In Russ.)

4. Balmasov, S.S. "Itogi podavleniia tambovskogo vosstaniia po ofitsial'noi statistike" ["The Results of the Suppression of the Tambov Uprising according to Official Statistics"]. Sennikov, B.V. *Tambovskoe vosstanie 1918–1921 gg. i raskrest'ianivanie Rossii 1929–1933 gg.* [*The Tambov Uprising of 1918–1921 and the Depeasantization of Russia, 1929–1933*]. Moscow, Posev Publ., 2004, pp. 161–176. (In Russ.)

5. Bulgakov, M.A. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [*Collected Works: in 10 vols.*], vol. 1: *D'iavoliada* [*Diaboliad*]. Moscow, Golos Publ., 1995. 464 p. (In Russ.)

6. Buryshkin, P.A. *Moskva kupecheskaia* [*The Merchants' Moscow*]. Moscow, Stolitsa Publ., 1990. 352 p. (In Russ.)

7. *Velikii kniaz' Aleksandr Mikhailovich: Kniga vospominanii* [*Grand Duke Alexander Mikhailovich: The Book of Memories*], introd. article and comm. by A. Vinogradov. Moscow, Sovremennik Publ., 1991. 271 p. (In Russ.)

8. Vernadskii, V.I. *Dnevniki: 1917–1921 (Ianvar' 1920 – mart 1921)* [*Diaries: 1917–1921 (January 1920 – March 1921)*]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1997. 328 p. (In Russ.)

9. Volkonskii, S.M. *Moi vospominaniia: v 2 t.* [*My Memories: in 2 vols.*], vol. 2: Rodina [The Homeland]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1992. 383 p. (In Russ.)

10. Davydov, S.A. *Zapiski starogo vzryvnika* [*An Old Bomber's Notes*]. Moscow, State Public Historical Library Publ., 1992. 96 p. (In Russ.)

11. Kanishchev, V.V., and Iu.V. Meshcheriakov. *Anatomiia odnogo miatezha: Tambovskoe vosstanie 17–19 iiunia 1918 g.* [*The Anatomy of One Mutiny: The Tambov Uprising of June 17–19, 1918*]. Tambov, Tambov State University Publ., 1995. 295 p. (In Russ.)

12. Danilov, V., and T. Shanin, editors. *Krest'ianskoe dvizhenie v Tambovskoi gubernii (1917–1918): Dokumenty i materialy* [*The Peasant Movement in Tambov Province (1917–1918): Documents and Materials*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 480 p. (In Russ.)

13. Kuchenkova, V.A. *Tambovskie gorodskie nekropoli* [*Tambov City Necropolises*]. Tambov, Knizhnaia lavka pisatelia Publ., 2001. 76 p. (In Russ.)

14. Okninskii, A.L. *Dva goda sredi krest'ian* [*Two Years among the Peasants*]. Moscow, Russkii put' Publ., 1998. 272 p. (In Russ.)

15. Sereda, V.P. *"Gordo nesi svoe gor'koe bremia…" I.M. Potapov* [*"Bear your Bitter Burden Proudly…" I.M. Potapov*]. Tambov, Michurinsk Publ., 2014. 511 p. (In Russ.)

16. Fedorchenko, S.Z. *Narod na voine* [*People at War*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 400 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.02.2023
Одобрена после рецензирования: 23.02.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 03.02.2023
Approved after reviewing: 23.02.2023
Date of publication: 25.03.2023